

10,000 РАДОСТЕЙ, 10,000 ПЕЧАЛЕЙ

ЭТА ДРАГОЦЕННАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АВТОБИОГРАФИЯ
АДЖАНА АЧАЛО БХИККУ

Аджан Ачало Бхиккху

**10 000 радостей, 10 000
печалей. Эта драгоценная
человеческая жизнь. Часть первая**

«Автор»

2026

Бхиккху А.

10 000 радостей, 10 000 печалей. Эта драгоценная человеческая жизнь. Часть первая / А. Бхиккху — «Автор», 2026

Тайская лесная традиция по своей природе — одна из наименее «показных» и, как некоторые считают, наименее «приветливых» буддийских школ. Без соответствующего культурного буддийского фона она может казаться довольно закрытой, почти чужой. И именно здесь заключается большая ценность этой книги: она даёт читателю уникальную возможность увидеть, как «современный» человек переживает традиционное патриархальное монашество с обетом безбрачия.

© Бхиккху А., 2026

© Автор, 2026

**Аджан Ачало Бхиккху
10 000 радостей, 10 000
печалей. Эта драгоценная
человеческая жизнь. Часть первая**

10 000 радостей, 10 000 печалей
Эта драгоценная человеческая жизнь

Автобиография
Аджана Ачало Бхиккху
(Часть первая)

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Опубликовано онлайн, Июнь 2026 г.

*Все картины использованные для иллюстраций
выполнены Аджаном Ачало Бхиккху*

Все цитаты из сутт взяты из www.theravada.ru

Эти воспоминания были записаны Аджаном Ачало
по просьбе некоторых его давних учеников-мирян.

Они охватывают первые двадцать шесть лет его жизни —
первую половину его жизни на момент написания.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТ АВТОРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От тьмы к свету

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ранние годы (3–10 лет)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первые признаки (3–10 лет)

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Мир перевернулся с ног на голову (11–13 лет)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трудное взросление: Паршивые моменты (14–17 лет)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Трудное взросление: Счастливые моменты (14–17 лет)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В поисках смысла в Брисбене (17–19 лет)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В поисках смысла в Сиднее (19–21 год)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Все дороги ведут в Таиланд (21 год)

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Центр медитации (22 года)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лесной монастырь (22–23 года)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Пакхау Бретт — Саманера Ачало (23 года)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Саманера Ачало идёт в джунгли (23–24 года)

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Борьба с Марой в Англии (24 года)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Молодой бхиккху в Таиланде (25 лет)

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Молодой бхиккху в Таиланде (25–26 лет)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ГЛОССАРИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кого мы встречаем, когда встречаем буддийского монаха? Человека, который «оставил дом» и принял посвящение, — человека, обретающего иную форму бытия, или же существо совершенно нового типа?

Как бы нелепо это ни звучало, возможно, это отражает ту слегка двусмысленную роль, которую монахи занимают в массовом сознании. Многие из нас проецируют на монахов собственные верования, устремления или предубеждения и могут воспринимать их как существ, стоящих выше мирских, земных трудностей, с которыми сталкиваемся мы все. Это, разумеется, совершенно нереалистично: каждый бхиккху родился младенцем, прошёл через детство и стал взрослым — точно так же, как и все остальные. Просто в какой-то момент он выбрал путь формальной практики с устремлением выйти за пределы земного страдания, с конечной целью достижения просветления (реализации ниббаны). Именно существо, идущее этим путём, предстаёт перед нами в монашеской рясе; человек, прилежно практикующий, чтобы очистить свой ум от жадности, ненависти и неведения.

Встретить сегодня Аджана Ачало — значит встретить высоко реализованного, опытного монаха Тхеравады, который чувствует себя в этой форме совершенно естественно. За его плечами более тридцати лет практики. Он — основатель и настоятель лесного монастыря Анандагири, прекрасного места, расположенного на лесистом холме в провинции Петчабун на севере Таиланда. Сам король Таиланда даровал ему тайское гражданство, а позже он получил высокий церковный титул Чао Кхун Пхра Радж Ваджираньянамуни. Для «западного» монаха это очень серьёзные достижения.

Он добрый, обладает прекрасным чувством юмора, мудр и спокоен. Его беседы, медитации под руководством, книги и паломничества продолжают вдохновлять множество людей. Но так было не всегда. И, как скажет любой буддист, так будет не всегда. Изменения неизбежны, а то, что происходит, зависит от причин и условий.

Эта книга как раз и посвящена тем причинам и условиям, которые привели молодого начинающего актёра Бретта из Брисбена к тому, чтобы стать бхиккху в консервативной тайской лесной традиции медитации на северо-востоке Таиланда. Путь, мягко говоря, не самый проторённый.

Большинство туристов и случайных наблюдателей ценят красоту тайских храмов и монастырей и уважают тихое достоинство монахов, которые их поддерживают и сохраняют религиозные традиции. Меньше людей понимают различия между разными буддийскими традициями, даже внутри преимущественно тхеравадинского мира Юго-Восточной Азии.

Тайская лесная традиция по своей природе — одна из наименее «показных» и, как некоторые считают, наименее «приветливых» буддийских школ. Без соответствующего культурного буддийского фона она может казаться довольно закрытой, почти чужой. И именно здесь заключается большая ценность этой книги: она даёт читателю уникальную возможность увидеть, как «современный» человек переживает традиционное патриархальное монашество с обетом безбрачия.

Как говорит сам Аджан Ачало на страницах этой книги, прямота и честность — настоящая основа его практики. Поэтому эти воспоминания — не попытка приукрасить или идеализировать прошлое. Трудности ранних лет Бретта и последующие сложности, связанные с принятием монашеской жизни, описаны без особой ностальгии, и некоторые моменты могут даже показаться читателю жёсткими или неприятными. Я считаю, что это как раз большая сила этой автобиографии.

Как профессиональный писатель и редактор я очень ценю искренний, правдивый и неприукрашенный стиль Аджана. Многие пытаются писать «в определённом стиле», а Аджан

Ачало с его острой памятью на детали и природным даром рассказчика просто честно рассказывает, как всё было.

То, что немного потерянный и одинокий молодой человек с чувствительной, отчасти артистической натурой в итоге стал дисциплинированным «воином медитации» (а именно так можно назвать монахов лесной традиции) в строгом ордене отречения и добился в этом такого успеха, — поистине удивительно. Но читать, как это происходило — со всеми сомнениями, грязью и отчаянием, через которые ему пришлось пройти, — делает эту историю гораздо более близкой и вдохновляющей.

Конечно, в жизни Аджана Ачало были не только трудности. По пути ему встречалось множество прекрасных благословений: полезные практики и учения, вдохновляющие и поддерживающие учителя, сложные, но в конечном итоге благотворные условия, в которых он мог бороться и расти.

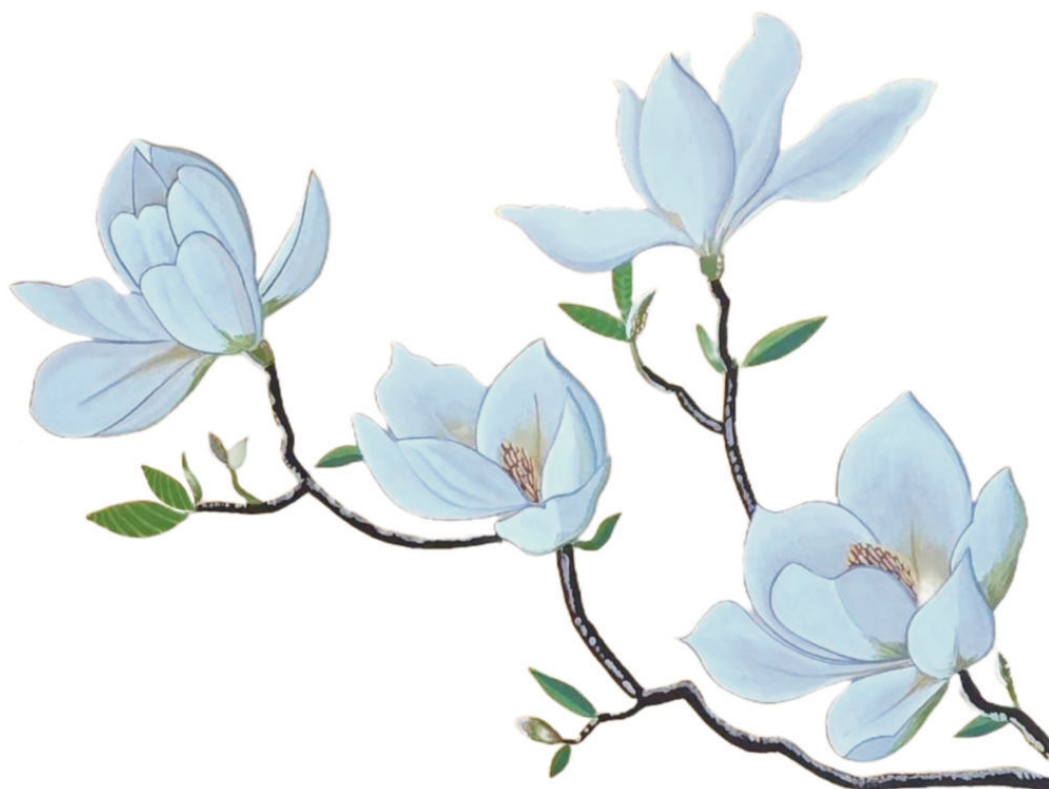
Также очень интересно наблюдать, как чувствительная натура Бретта сохранилась и в Аджане Ачало, но преобразилась во что-то более умелое и устойчивое. Его творческий порыв и интуитивность дали жизнь многим текстам, проектам и паломничествам и принесли что-то особенное в его роль буддийского учителя и проповедника. Его готовность говорить о более духовных, эзотерических и возвышенных аспектах буддизма создаёт мост между часто циничным взглядом «западного» наблюдателя и удивительным миром буддийской космологии. Такой духовный подход редко встречается в англоязычной тхеравадинской литературе, и поэтому особенно ценен.

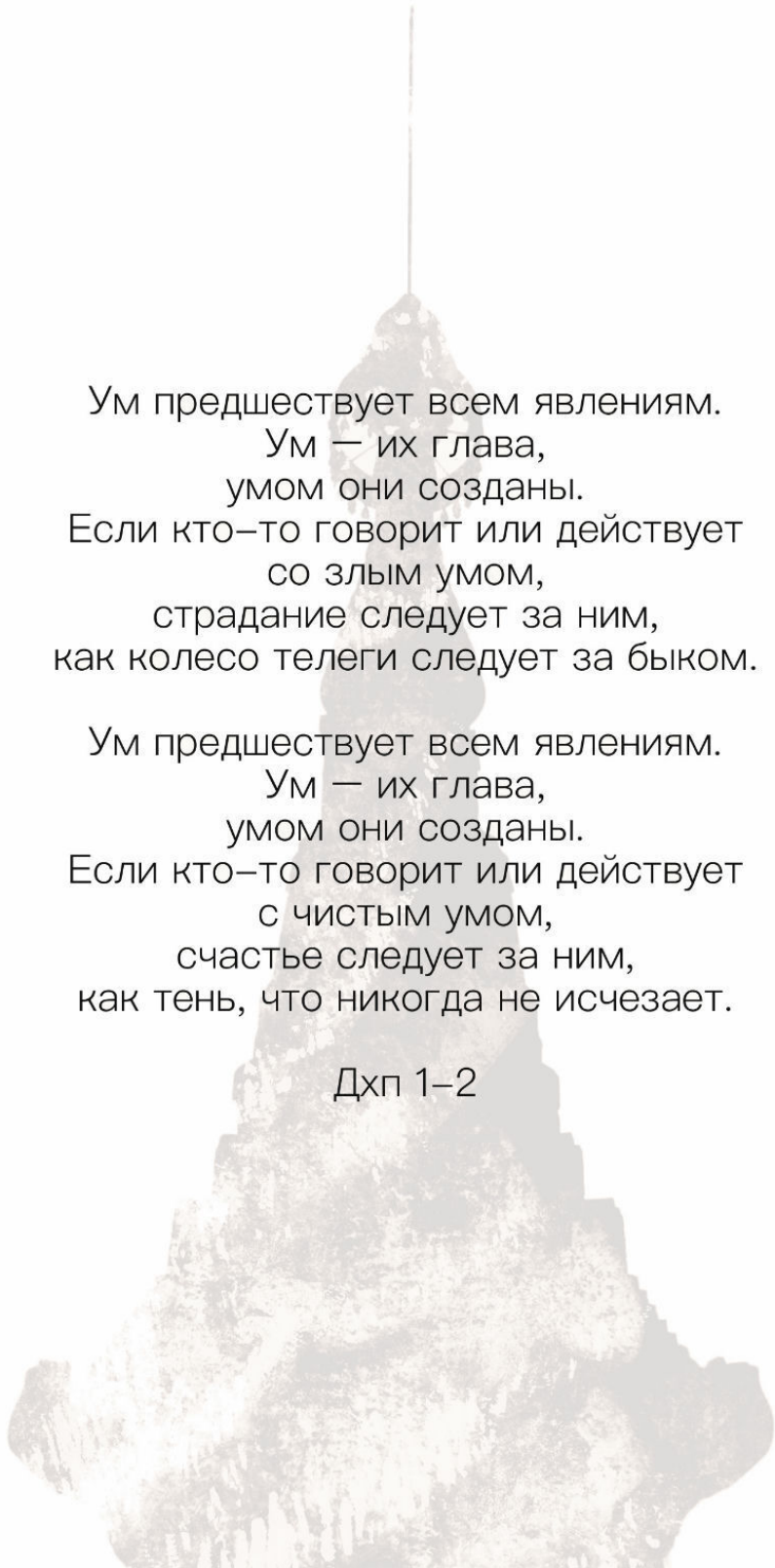
Добавлю, что история Аджана Ачало особенно вдохновляет именно меня. Мы оба родились в Австралии в 1972 году, с разницей в несколько дней, поэтому наши культурные корни очень похожи. Наши пути ненадолго пересеклись в начале 90-х, когда Бретт работал баристой в кофейне в Сиднее недалеко от университета, где я учился. Но по-настоящему мы начали общаться уже много лет спустя и в совершенно других обстоятельствах. К тому времени я уже изучал буддизм именно в тайской лесной традиции, а не литературу в университете. Он даже был одним из монахов, которые читали мантры на моей временной ординации. Иметь такого опытного учителя со схожим культурным фоном оказалось для моей практики огромной поддержкой.

От всего сердца надеюсь, что эта автобиография просветит и вдохновит многих буддистов — как новичков, так и тех, кто уже давно в Дхамме. Она очень ясно показывает, что последовательное следование дисциплинам, которые тренируют и возвышают ум, в итоге обязательно приносит положительные результаты. Кроме того, возможно, она поможет нам с большим пониманием относиться к человеку в монашеской рясе — со всеми его сильными и слабыми сторонами, — чья преданная практика доказывает, что любой человек способен продвигаться по пути к миру за пределами страдания.

Шон Муни

ОТ АВТОРА

Ум предшествует всем явлениям.
Ум — их глава,
умом они созданы.
Если кто-то говорит или действует
со злым умом,
страдание следует за ним,
как колесо телеги следует за быком.

Ум предшествует всем явлениям.
Ум — их глава,
умом они созданы.
Если кто-то говорит или действует
с чистым умом,
счастье следует за ним,
как тень, что никогда не исчезает.

Дхп 1–2

О Т А В Т О Р А

По просьбе некоторых моих давних учеников из Юго-Восточной Азии я решился на этот проект — написать автобиографию. При этом я подумал, что книга должна содержать какие-

то жизненные уроки: если уж рассказывать о своей жизни, то как сделать так, чтобы читатели смогли из этого что-то полезное почерпнуть? И в процессе размышлений, оглядываясь на прожитое, я понял, что и сам могу кое-что для себя прояснить. Что я на самом деле усвоил за эту жизнь и как именно это произошло? Кто или что были моими учителями? Замечал ли я все благословения, которые мне выпали? Испытывал ли должную благодарность за них? А как насчёт всех трудностей и испытаний — полностью ли я принял их как проявления каммы? Смог ли простить всех и вся? Как подсказывает название этой книги и как это переживает каждый человек в своей жизни, были и болезненные периоды, и очень радостные.

Хотя я настоятель монастыря и учитель, который проводит паломничества, ретриты и читает лекции по Дхамме онлайн, на самом деле я несколько более замкнутый человек, чем может показаться со стороны. Мне близки знакомые лица, душевная близость и та тёплая, почти семейная атмосфера, когда общаешься с людьми, — и при этом я много времени провожу в одиночестве. Таков общий тон моей жизни и жизни общины в монастыре, где я обычно живу, таков же тон многих моих наставлений.

У каждого монаха, каждой монахини и каждого практикующего есть свои скрытые склонности и предпочтения — только Будда полностью искоренил все черты характера, — а мне близко создавать тёплую, близкую, дружескую атмосферу. С этим же связано и качество обезоруживающей прямооты и честности — никаких секретов в семье, так сказать. Именно в таком ключе я писал эту автобиографию, что может показаться немного необычным для представителя консервативной традиции.

Я решил, что лучший для меня способ как для автора — это словно взять читателя за руку, включить его в число друзей, делиться сокровенным и провести вместе со мной по пути моей жизни. Надеюсь, что при таком подходе, когда в конце концов я окажусь на коленях и с уважением буду слушать наставления своего учителя, вы почувствуете, будто находитесь рядом со мной и слышите эти слова так, словно они обращены прямо к вам. Если мне удастся хорошо справиться с ролью рассказчика, то, надеюсь, именно так и получится — я хочу, чтобы вы ощущали себя включёнными, близкими, связанными с происходящим, чтобы получали эти наставления для себя и могли трактовать их так, как это подходит именно вашей жизни, где бы вы ни находились. Будда говорил: «Дар Дхаммы — высший дар». Именно в этом духе я щедро и открыто делюсь этими текстами — как искренний жест взаимности и благодарности за учение и учителей этой жизни.

Те, кто меня знает, уже в курсе, что я верю в правдивость, в то, чтобы быть откровенным, открытым и прозрачным. Правдивость — очень большая часть моего характера, и так было, сколько себя помню. Кого-то моя прямоота иногда может задеть, хотя я никогда не ставлю целью кого-то оттолкнуть или обидеть — разные вещи находят отклик у людей разных культур, возрастов и этапов жизни и практики. С этим пониманием я и делюсь свободно; но, как часто говорят монахи в своих беседах о Дхамме, берите то, что полезно, а остальное оставляйте. Впрочем, по моему опыту преподавания, на каждого обиженного всегда найдётся несколько благодарных. Большинство буддийских практиков обладают здоровым аппетитом ко всем видам истины: личной, межличностной и в конечном счёте «безличной» истине.

С детства я всегда был очень откровенен в том, что считал правдой, — настолько, что иногда это проявлялось в спорах с родителями и учителями. Я никогда не спорил ради спора, но если не соглашался с кем-то или моя трактовка истины расходилась с чужой, об этом сразу становилось известно. Хотя это создавало трения и для меня, и для других, думаю, именно эта черта в значительной степени привела меня к учению Будды и к тому, чтобы сдатьсь ему. Потребность искать и чтить истину сделала возможным сменить страну, жить в другом климате, есть другую еду, завести других друзей — начать всё с нуля. Если правда и правдивость для тебя идеал, то, найдя то, что откликается этой жажде, ты готов на большие жертвы, чтобы это чтить.

Стоит отметить, что до того, как я стал монахом, я монахом не был. В своих текстах я старался описывать жизнь именно так, как её переживал: австралийским мальчиком, австралийским подростком, австралийским молодым человеком, а потом — новичком-монахом и младшим монахом в Таиланде. Думаю, это важно, потому что я хочу показать читателю: монахи — тоже люди. Они начинают как обычные существа, но выбирают принять вызов трудной тренировки, и именно эта тренировка в итоге позволяет развить прозрение, а также благородные и прекрасные качества.

В последующих главах я открыто пишу о трудностях, которые пережил в детстве и юности в отношениях с матерью и отцом. Я старался быть правдивым, справедливым и сострадательным, описывая эти вызовы, не обвиняя других в своих страданиях. Кому-то может показаться, что об этом и упоминать не стоило, но я уверен, что другие, у кого трудности с родителями были ещё тяжелее, смогут откликнуться. Надеюсь, читатели найдут в моей истории немного сочувствия и ободрения — увидев человека, который несмотря на (а может, отчасти и благодаря) эти трудные и болезненные переживания стал монахом и учителем, развив добрые и благие качества.

Написание этой автобиографии оказалось интересным и ценным опытом. Как бхиккху, для которого принцип «срединного пути» очень дорог, я постоянно осознавал, что любую историю можно рассказать по-разному. Можно просто опустить некрасивые моменты и переоценить вдохновляющие. Или, наоборот, переоценить трудные. Держа в уме срединный путь, в духе равновесия, справедливости и правдивости, я не всегда включал самые пиковые или самые тяжёлые моменты; скорее, старался передать общее ощущение того, как всё действительно было в тот или иной период моей жизни.

Эта книга охватывает ранние годы этой жизни — детство, юность и первые годы монашества — до двадцати шести лет. Если жизнь и время позволят, возможно, когда-нибудь появится вторая часть. Писать автобиографию в начале пятого десятка может показаться рано, но я рад, что сделал это скорее раньше, чем позже, — некоторые воспоминания уже начали понемногу угасать.

В процессе написания мне стало ещё яснее, сколько благословений сопровождало меня всю жизнь. С возрастом мы, надеюсь, обретаем более широкий взгляд на прожитое и видим, где могли быть справедливее, добрее, понимающими или прощающими по отношению к людям и ситуациям в прошлом. Я не всегда ценил те блага, что были рядом, но с возрастом и благодаря непрерывной буддийской практике приходит определённая мудрость — например, через созерцание каммы и культивирование прощения. Было радостью глубже осознать всю ту доброту, которая коснулась этой драгоценной человеческой жизни.

Я благодарен, что благодаря этой книге смог глубже соединиться с моей дорогой матерью. Пересматривая детство уже взрослым человеком, я смог отнестись к ней и к воспоминаниям о ней с новым взглядом — с большим состраданием и восхищением. Теперь, оглядываясь на трудности, я в основном чувствую благодарность: вижу, чему научился в тяжёлые времена и какую огромную доброту можно было разглядеть рядом с болью. Думаю, для людей вполне нормально какое-то время цепляться за обиды или самоправедный гнев — а потом бороться с прощением, — но умение искусно размышлять о трудных переживаниях прошлого может породить мудрость и сострадательное понимание.

Мне особенно понравилось вспоминать и делиться добротой моих учителей и другими значимыми благословениями, встреченными на пути этой жизни, — временем, проведённым в медитационных центрах, тренировочных монастырях, лесных обителях и в джунглях, и тем, чему я научился у этих людей и мест. Мне очень радостно поделиться более близким и личным взглядом на моих учителей — рассказывая о жизни и практике с такими монахами, как Аджан Сумедхо, Аджан Пасанно, Аджан Джаясаро и Аджан Анан.

Надеюсь, чтение об этих переживаниях станет для читателя упражнением в сангханусати — воспоминании о благородных качествах Сангхи. Пусть и вы возрадуетесь своему невероятному счастью встретить учение Будды, ведь встреча с этими наставлениями и возможность практиковать — это как выиграть в самсарическую лотерею.

Будучи молодым монахом, я с удовольствием читал биографии великих мастеров медитации — Луанг Пор Мана, Луанг Пор Тэйта, Аджана Ли Дхаммадхаро, мастера Сюй Юня — и заворожённо слушал, когда Аджан Джаясаро читал нам отрывки из жизни Аджана Ча. Эта автобиография задумана как своего рода мостик между этими великими, совершенными мастерами и более обычным практиком наших дней.

Моя история жизни не может сравниться с жизнями этих выдающихся монахов, но мир меняется быстро, и сегодняшние люди (особенно те, кому двадцать-тридцать лет) могут легче откликнуться на рассказ кого-то, кто ближе к ним по возрасту и опыту. Надеюсь, эта книга послужит примером жизни, посвящённой тренировке и дисциплинам, которым учил Будда, — жизни, закладывающей фундамент и развивающей качества для будущей, последней жизни, подобно жизням тех мастеров.

Читатели, не знакомые с моими наставлениями, быстро заметят, что у меня сильная, непоколебимая вера в прошлые жизни, перерождения, иные миры и существ в них. Это может показаться необычным или удивительным для монаха, родившегося и выросшего в Австралии — думаю, у меня было несколько недавних прошлых жизней в Азии! У меня всегда было интуитивное убеждение в этих вещах, и в следующих главах я описал некоторые детские переживания, которые ещё больше их подтвердили.

Стоит отметить, что я живу монахом в Таиланде уже очень давно — больше половины своей жизни — и много путешествовал по святым местам Индии и Китая. Здесь, в Азии, вера в перерождения, небесные миры и небесных существ — дело вполне обычное. Эти темы постоянно обсуждались Буддой и его монахами-учениками, как это зафиксировано в Сутта и Виная питаках, и они неотъемлемо вплетены в учение Дхаммы. Для многих из нас в Азии было бы странно их опускать, поэтому надеюсь, что любые сомневающиеся читатели хотя бы останутся открыты к возможности их существования.

Хочу отдельно поблагодарить нескольких человек, которые очень помогли мне в работе над этой книгой и сделали возможным её выход. Большое спасибо Аджану Паваро, мэ чи Эмили и Элизабет Статис-Роу за их добрую и щедрую помощь в редакции и проверке текста. Аджану Кхеме — за помощь с графическим дизайном, Аджану Паньясири за перевод на русский язык. И отдельно мэ чи Эмили — за вёрстку и оформление цифровой версии издания.

Искренне надеюсь, что через написание и публикацию этой книги мне удастся передать глубину моей веры и убеждённости в буддийском учении и практике и тем сChangsамым вдохновить людей углубить свою собственную преданность и убеждённость. Вера в такое благо порождает энергию и радость — качества, которые нужны каждому. Делясь историей своей жизни, я надеюсь побудить читателей увидеть, что возвращение непоколебимого оптимизма на долгий срок — через множество жизней — на самом деле очень практично и полезно. С таким взглядом мы понимаем, что каждый искусный поступок и усилие имеют огромную ценность, и каждое доброе дело, каждый акт терпения обязательно принесут плод.

Мы можем ободриться, твёрдо убеждённые, что периоды, которые кажутся сухими и утомительными, непременно сменяются периодами вдохновения, роста и радости, — если мы старательно сеем причины. Посвящая себя развитию даны, силы и бхаваны (щедрости, нравственного поведения и развития ума), мы делаем свою жизнь всё лучше и лучше. Внешний мир может не становиться лучше — мир и правда сошёл с ума в наши дни, сформированный каммой восьми миллиардов людей, — но как личности, если вы следуете пути Будды, ваше собственное будущее становится всё светлее.

Когда жизнь тяжела и всё становится трудно, не сдавайтесь — просто продолжайте идти. Работайте усерднее и будьте последовательны. Этому я научился у своих учителей в этой жизни — и у родителей дома в Австралии, и у Аджанов в монастырях. А ещё — у своих собственных добрых усилий на протяжении десятилетий. Усилие приносит плоды: больше прозрений, более мудрый взгляд, меньше страданий, больше благополучия. Я могу это подтвердить на собственном опыте — и желаю того же вам.

Искренне надеюсь, что история этой жизни послужит для вас ободрением, где бы вы ни находились в своей жизни и практике. Пусть десять тысяч радостей и десять тысяч печалей вашей собственной жизни станут вашими учителями. Пусть вы «держите ум посередине» среди всех превратностей жизни, день за днём становясь мудрее, крепче и добрее. И наконец, пусть мы все неуклонно продвигаемся к освобождению ума.

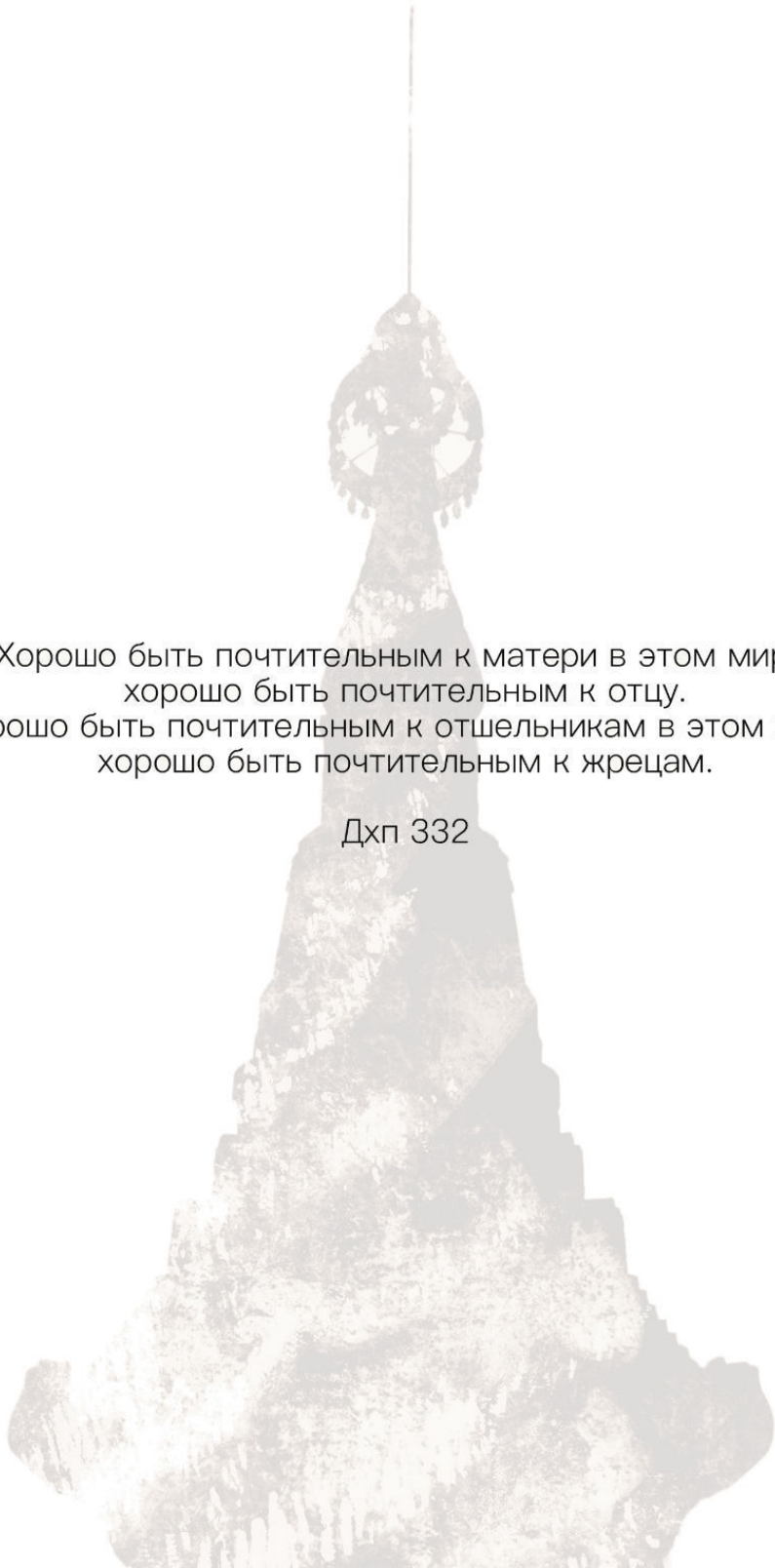
Желаю Вам всех благ,

Аджан Ачало Бхиккху

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ

Хорошо быть почтительным к матери в этом мире,
хорошо быть почтительным к отцу.
Хорошо быть почтительным к отшельникам в этом мире,
хорошо быть почтительным к жрецам.

Дхп 332

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От тьмы к свету

Когда начинаешь записывать историю своей жизни, трудно понять, с чего именно начать. Ведь перед твоей историей всегда есть другая история, а перед ней — ещё одна, и так до начала времён. Но история, которая непосредственно предшествует моей собственной, — это история моих родителей. Поэтому с должным уважением давайте начнём с них.

Сразу хочу предупредить: я назвал эту книгу «10 000 радостей, 10 000 печалей» не просто так. Нам придётся пройти через немало печалей в этих самсарических жизнях, прежде чем мы доберёмся до радостей. И всё же история о том, как человек идёт из тьмы к свету, всегда имеет ценность, потому что именно это в той или иной степени предстоит каждому из нас.

Думаю, было бы интересно начать с чего-то яркого, поэтому давайте начнём с моей мамы. Я недавно долго разговаривал с ней и наконец-то прояснил некоторые детали.

Анжела Мэри Смит родилась в Лондоне 31 мая 1939 года. В сентябре 1940-го, когда ей было чуть больше года, дома по обе стороны от их дома были разбомблены немецкой авиацией — это были первые дни Лондонского blitz, страшных бомбёжек, которые продолжались пятьдесят семь дней подряд. Её старшая сестра Ширли была на два года старше, а младшие близняшки Мари и Клэр родились в подземном метро прямо посреди воздушного налёта. Хотя Анжеле было всего шестнадцать месяцев, она до сих пор хорошо помнит вой сирен и лучи прожекторов, шарящие по небу.

Мама говорила, что единственное чувство, которое она помнит из самого раннего детства, — это страх. Отец служил в Королевских ВВС и воевал, поэтому вокруг были только женщины и напуганные дети. Правительство эвакуировало людей из Лондона, и вскоре Анжела оказалась в новом доме в Манчестере, на Реддиш-Вейл-Роуд, напротив яблоневого сада.

Моя мама говорит, что у неё, по сути, и не было нормального детства. Как только она научилась ходить и говорить, её сразу начали привлекать к домашней работе. Её мама, Джесси, шотландка по происхождению, была занята с маленькими близняшками и часто отправляла маленькую Анжелу одну ловить двухэтажный автобус, чтобы съездить в магазин за продуктами — картошкой.

Хотя Ширли была старше, Анжела была на целую голову выше, поэтому мама считала её самой ответственной. Анжеле было страшно ходить одной. В то время в Лондоне орудовал знаменитый серийный убийца по прозвищу «Военный Потрошитель», который жестоко убил нескольких женщин. Хотя его уже поймали и казнили, истории о нём глубоко запали в душу женщинам и детям по всей Англии.

Если попытаться найти что-то хорошее в трудном детстве моей мамы, то можно сказать, что Анжела очень рано научилась быть самостоятельной, стойкой, смелой, полезной и трудолюбивой. И это было очень кстати, потому что впереди её ждали новые испытания.

Когда ей было восемь или девять лет (точный год она не помнит), семья эмигрировала в Австралию. Она хорошо помнит сильную морскую болезнь во время бесконечного десяти-недельного плавания. Помнит и то, как египетский мужчина пытался её похитить во время прогулки по берегу Суэцкого канала. К счастью, капитан корабля заранее предупредил детей, чтобы они держались за руки цепочкой и не отставали. Мужчина схватил маленькую белокурую голубоглазую Анжелу за щиколотки и сильно дёрнул, но цепочка выдержала.

Детство моего отца в Австралии было не таким тяжёлым. Он родился в небольшом городке Иннисфейл в Северном Квинсленде, но вырос в ещё более маленьком городке Ингловуд на юге Квинсленда — в районе разведения скота и табачных плантаций, примерно в 250 километрах западнее Брисбена.

Его мама, Хелен, была австралийкой во втором поколении немецкого происхождения. Ей очень нравился живописный холм Мелтон-Хилл, и она назвала своего первенца в его честь —

Мелтон Клендон Хансен. Родился он 31 июля 1937 года. Несмотря на такое солидное имя, все звали его просто Мел. У него была старшая сестра Лесли и две младшие — Дженис и Мэрилин.

С бабушкой по папиной линии я встречался всего несколько раз. Помню, что она была очень красивой женщиной — высокой, стройной, смуглой, с высокими скулами и правильными чертами лица.

Интересно, что мой дед, Лесли Хансен, тоже был военным лётчиком — в Королевских ВВС Австралии. Как и у мамы, у отца отец часто отсутствовал в раннем детстве из-за войны. Дед служил в Дарвине, где серьёзно опасались японского вторжения с севера. Его должность была скорее административной, чем боевой.

Отец рассказывал мне, как они с лучшим другом катались на велосипедах. Родители друга держали греческое кафе, где, по его словам, были самые лучшие шоколадные молочные коктейли. Он ставил ловушки на кроликов и рано утром, до школы, ездил по морозу проверять, что попало. Кроликов отдавал маме на рагу.

В Австралии, особенно в Квинсленде, кролики считаются опасным инвазивным видом, их даже держать дома запрещено. Меня эти истории всегда ужасали — моё поколение не ходило ловить животных на еду, и я в детстве мог буквально расплакаться, если в фильме погибал зверь.

Отец говорил: «Не понимаю я тебя, приятель. В твоём возрасте я уже кроликов ловил!» А я всегда был чувствительным ребёнком.

Если посмотреть на светлые стороны ранней жизни отца, то, думаю, ему очень помогла природа вокруг Инглвуда. Много солнца, бескрайние просторы, безопасно — мальчишки могли свободно бегать по полям среди коров и кенгуру. Ещё там была запруда, где они купались.

О взаимоотношениях отца с дедом я слышал мало — видимо, это была болезненная тема. Папа говорил, что мама у него была очень хорошая — они с сёстрами прекрасно ладили, — а вот об отце почти не рассказывал.

После возвращения с войны дед стал городским клерком — главным администратором в местном совете. Он любил играть на скачках, слушал трансляции по радио. Когда проигрывал, становился злым и иногда, если мог поймать, жестоко бил отца тростью.

За всю свою жизнь я видел, что жизнь каждого человека — это смесь благословений и проклятий, в зависимости от его кармического багажа. С одной стороны, отец бил сына, с другой — мама и сёстры были тёплыми, любящими и добрыми.

Несмотря на редкие вспышки жестокости, дед заплатил немалые деньги, чтобы отдать сына в лучшую частную школу Квинсленда. Поскольку в их районе не было средней школы, в двенадцать лет Мела отправили в пансион в Брисбене. Скорее всего, это было к лучшему, учитывая обстановку дома, хотя и там не обошлось без порки — телесные наказания в пансионах тогда были в порядке вещей.

Учась в Грамматической школе при англиканской церкви в Восточном Брисбене, отец получил отличное образование. Он жаловался, что порции еды в столовой были одинаковыми для всех. А он был выше большинства мальчиков и очень спортивным — плавал и играл в регби, — поэтому постоянно хотел есть. (Именно поэтому потом всю жизнь у него были очень обильные ужины!)

Он хорошо учился и много запоминал. Даже много лет спустя, когда я был подростком, мы по вечерам всей семьёй смотрели телевизор, и отец правильно отвечал почти на девяносто процентов вопросов в викторинах. Родители часто жаловались на нехватку денег, и меня ужасно раздражало, что он не идёт на передачу «Распродажа века» и не выиграет кучу денег или новую машину! Я был уверен, что он победит, но он говорил, что боится проиграть на всю страну.

В отличие от отца, маме в этом плане повезло меньше. Неудивительно, что вскоре после переезда в Австралию брак её родителей распался. Анжеле было около девяти лет. Наверное, сказало и то, что они потеряли дом во время войны, и переезд в новую страну, и поиск работы, и психологические травмы отца после войны. Я никогда не видел деда по маминой линии и даже не знаю его имени — мама называла его просто «папа».

Однажды, через несколько месяцев после приезда в Австралию, бабушка сказала четырём дочерям, что они едут на приятные каникулы. Вместо этого она отвезла их в приют Святого Винсента в Нуджи — пригороде Брисбена — и оставила там.

Это был католический сиротский приют, которым управляли сёстры милосердия. Наверное, бабушка надеялась, что монахини будут добры к её детям. К сожалению, они такими не были. Если это и были «каникулы», то каникулы в аду. Сёстры совсем не были милосердными.

Со стороны кажется, что бабушка совершила нечто ужасное. Но, возможно, у неё просто не было другого выхода. Мама не могла рассказать много подробностей — она никогда не спрашивала мать о разводе и о причинах, по которым та оставила их в приюте. Меня поражает, что мама никогда об этом не спрашивала. Когда я спросил её об этом, она ответила, что в те времена дети не смели прямо задавать родителям неудобные вопросы.

Пенсия для одиноких матерей в Австралии только недавно появилась, и многие категории матерей её не получали. Если женщина уходила от мужа, она часто оставалась без помощи. Видимо, одной поднимать четырёх девочек в новой стране было просто невыносимо тяжело.

Когда мама снова увидела свою мать (уже после того, как покинула приют), у Джесси уже был новый муж, и она сменила имя на Патрицию. О прежнем муже больше не говорили.

Мама рассказывала о ледяном холоде без обуви и носков, холодных душах, тонких одеялах и плохой еде с мухами и кусочками краски. Но самое страшное были наказания: порка кожаными ремнями, запирающие в холодном тёмном подвале с крысами без еды и воды — иногда на несколько дней. Если кто-то пытался убежать, спускали собак. Это звучит как сюжет ужасного фильма, но, к сожалению, всё это было реальностью.

Позже проводились государственные расследования случаев жестокого обращения с детьми в таких приютах. Было установлено, что в приюте Святого Винсента дети действительно подвергались насилию. В итоге всем, кто жил там в определённые годы, выплатили компенсацию. Мама тоже получила небольшую сумму. Деньги для неё особого значения не имели, но официальное извинение от премьер-министра и признание факта насилия ей помогли в исцелении.

Это была одна из тех трагических ситуаций, когда дети, выросшие в жестокой системе, сами становились воспитателями и повторяли (а иногда и усугубляли) то насилие, которое пережили сами. «Заклѳчѳнные управляли тюрьмой» — так называют такое межпоколенческое институциональное насилие.

Мама специально не рассказывала нам, своим детям, о том, что пережила в приюте, пока нам не исполнилось около пятнадцати лет. Она не хотела, чтобы её тяжѳлое детство омрачило и наше. Я благодарен ей за это.

Из-за опыта насилия от католических монахинь у мамы и телесных наказаний от англиканских братьев в школе у отца, наши родители вообще не пускали нас на уроки религии и в церковь. Конечно, есть много добрых христиан, но мои родители встречались совсем с другими. Они не хотели рисковать. Я был в церкви всего два раза в жизни — на свадьбах. Родители говорили: когда вырастете, сами выберете религию, если захотите. (В итоге это вышло довольно интересно.) При этом мы отмечали Пасху шоколадными яйцами и горячими булочками, а на Рождество ставили ёлку и дарили подарки.

Все дети в той или иной степени наследуют внутренних демонов своих родителей. Нам было видно, что Анжела иногда замыкается в себе, а иногда бывают тяжѳлые дни, когда она вдруг срывалась. Мел тоже плохо умел говорить по душам. Если бы это было в более позднее

время, мама, наверное, сходила бы к психологу и получила большую помощь. Я очень жалею, что этого не было — и для неё, и для отца, хотя он бы никогда не согласился.

Отсутствие тёплых, любящих отцовских фигур в детстве обоих родителей, побои, чувство брошенности и бессмысленные наказания — всё это сильно на них повлияло. И всё же они стали трудолюбивыми, законопослушными, ответственными и полезными людьми. Они были хорошими людьми — со своими трудностями, как и большинство.

Я часто чувствовал, что в нашем доме довольно холодная атмосфера. Будучи чувствительным ребёнком, я глубоко переживал недостаток тепла и отсутствие глубоких, душевных разговоров с родителями в детстве и юности. Примерно к двадцати пяти годам, когда у меня уже появилась взрослая зрелость, я понял: у моих родителей в подростковом возрасте не было мудрых, тёплых наставников. Они оба выросли в учреждениях, где не было любящих, родительских фигур. Их никто не научил вести душевные разговоры, проявлять эмпатию и глубокую заботу — потому что они сами этого никогда не испытывали. Это был язык, которого они просто не знали. Мои ожидания большей любви и близости, хотя и понятные, были нереалистичными. Они делали всё, что могли, с теми навыками, которые у них были, и сделали гораздо лучше, чем те примеры, которые видели сами.

Ради справедливости нужно сказать, что родители в значительной степени компенсировали свою психологическую «необразованность» тем, что искренне старались устраивать нам приятные семейные поездки. Каждый год — длинные поездки в Брисбен на Королевскую пасхальную выставку, кататься на аттракционах и есть вредную еду. Прогулки по тропическим лесам в национальных парках, еженедельные поездки на пляж во время длинного лета. Папа любил ловить волны с сыновьями, а мама с улыбкой раздавала наше традиционное воскресное «пляжное» меню: горячие бутерброды с чипсами и кетчупом, кока-колу в пластиковых стаканчиках и кремовые булочки на десерт. Мы, может, и не разговаривали глубоко, но мы были семьёй, которая делала вещи вместе. Это был их способ создавать семейное тепло и единство.

Сейчас, оглядываясь назад, я чувствую благодарность за те хорошие части своего воспитания и искренне восхищаюсь, как хорошо мои родители всё держали вместе. Отец приносил каждую зарплату и отдавал маме на хозяйство и планирование бюджета. Мама готовила, убирала дом, стирала, сушила и гладила одежду. По выходным они оба занимались ремонтом дома. В этом плане у нас была стабильность, надёжность, безопасность — то, чего сегодня не хватает миллионам детей. Они были ответственными и добросовестными родителями. Да, с травмами из своего детства, но моральными и надёжными. У них была хорошая трудовая этика, и они были способны на многое — а дети учатся этому, просто наблюдая.

Я читал свидетельства других детей, которые жили в том же приюте, что и моя мама. Многие из них страдают гораздо более серьёзными психологическими проблемами и сильными зависимостями. Я уверен, что маму тоже сильно обижали, но думаю, что тёплые отношения с её собственной матерью в первые девять лет жизни дали ей более крепкий фундамент и большую внутреннюю силу, чем тем детям, которые попали в приют совсем маленькими. Кроме того, ей повезло довольно рано выйти замуж за хорошего, сильного, надёжного и верного человека, который стал для неё серьёзной опорой в жизни.

Когда маме было около пятнадцати лет, после шести лет в приюте, бабушка наконец забрала четырёх дочерей из Святого Винсента. Они стали жить с ней и её новым мужем в Калундре — небольшом рыбацком городке на Солнечном побережье Квинсленда.

Хотя мама научилась читать, писать и считать, аттестата о среднем образовании она так и не получила. Это сильно осложняло жизнь многим, кто выходил из таких учреждений, и многие попадали в замкнутый круг бедности. Но мама была явно очень умной, наблюдательной, любознательной и инициативной девушкой. Это было заметно даже мне в детстве — она прекрасно справлялась с готовкой, уборкой, садом, шитьём, ремонтом дома и многим другим.

В шестнадцать лет она начала учиться на парикмахера, ей это нравилось, но отчим создал проблемы с документами, и ученичество сорвалось. Однако её стойкость быстро помогла — она нашла работу продавщицей в женском бутике на главной улице. Через эту работу она познакомилась с другими девушками своего возраста и узнала о больших возможностях в Брисбене.

В 1957 году, в восемнадцать лет, почувствовав желание расширить горизонты, Анжела переехала из тихого рыбацкого Калундры в Брисбен. Сначала жила в хостеле, потом сняла квартиру с тремя новыми подругами. Быстро нашла работу в бутике на Квин-стрит — главной торговой улице города. Бутик «Marcia Gowns» специализировался на вечерних платьях, платьях для дебютанток и свадебных нарядах. Она работала помощницей и одновременно моделью для клиентов.

С её светлыми волосами, голубыми глазами, тонкой талией и красивой фигурой владельцы быстро разглядели в ней потенциал модели и отправили в школу этикета. Там она училась, какими приборами пользоваться за обедом, носить шёлковые перчатки, держать голову с достоинством, ходить по лестнице на каблуках и многому другому.

Анжеле хотелось большей независимости и новых знакомств. Она заметила стильных билетёрш, которые заходили в то же здание, где она училась этикету. Однажды она нарядилась и пошла к менеджеру кинотеатра «Vogue Theatre». Он посмотрел на хорошо одетую, воспитанную Анжелу и сразу дал ей работу.

Я спросил маму, почему она хотела стать билетёршей. Она ответила, что в те времена модели, стюардессы и билетёрши считались самой крутой, «своей» компанией. Ей тоже хотелось быть крутой.

Тем временем отец моего отца, Лесли, внезапно умер от кровоизлияния в мозг в пятьдесят два года (в моём нынешнем возрасте!). Просто упал и умер. Кажется, отец в тот момент учился в последнем классе школы. Ещё до смерти дед заранее оплатил сыну обучение на бухгалтера в колледже Брисбена, но, как ни странно, отец так и не пошёл учиться.

Когда я спросил маму, почему папа не продолжил учёбу, она сказала, что он хотел в свободное время пить пиво, играть в снукер и футбол с друзьями — а для этого нужна была зарплата.

Он хорошо учился, хорошо работал и отлично играл в регби. Был дисциплинированным человеком, но просто не хотел больше сидеть в классе. С хорошими оценками из престижной школы он легко устроился клерком в бухгалтерский отдел компании General Motors-Holden в Фортьюд-Вэлли.

Мел также играл за местную команду высшей лиги «Фортитьюд-Вэлли Дайхардс». В те времена даже лучшие игроки получали очень мало и все работали полный день. Тренировки были по вторникам и четвергам, игры — по воскресеньям.

В то время в Брисбене был очень популярный танцевальный зал «Cloudland». Он славился своим пружинящим деревянным полом и был самым большим в стране — мог вместить до тысячи пар. Там выступали и рок-группы — в 1958 году там играл Бадди Холли.

Анжела ходила в «Cloudland» по субботам со своими крутыми подругами-билетёршами, а Мел — с коллегами и ребятами из команды. Это было время джайва, свинга и твиста под звуки саксофонов, труб, электрогитар. Были даже байкеры в кожаных куртках — «боджи», предшественники панков. Их девушек называли «виджи». (Представьте эстетику фильма «Бриолин».) Мои родители никогда не были панками, но очень любили хорошую музыку и танцы.

В одну из субботних вечеров Анжела стояла в стороне с подругой, когда через весь зал к ним направился высокий, стройный, тёмный и очень красивый парень. Подруга начала восторженно шептать: «О боже! Это же Мел Хансен, футболист из «Вэлли»! Он идёт к нам!»

Мама никогда не интересовалась футболом и впервые слышала это имя, но Мел полностью проигнорировал восторженную подругу и пригласил танцевать именно Анжелу. И они танцевали.

Если коротко: было ухаживание, помолвка и свадьба. Мама Мела, Хелен, одобрила Анжелу, а сёстры её просто обожали. После свадьбы отец настоял, чтобы Анжела ушла с работы билетёрши, потому что там была сменная работа.

Когда я спросил маму, как она к этому отнеслась, она ответила: «Ну, в те времена было «любить, чтить и слушаться» — и вся эта ерунда!»

«Но ты его любила?» — спросил я.

«Да, любила».

Мои родители сразу после помолвки, 19 и 21 год

Анжела устроилась продавать ленты и кружева в здании универмага «McWhirters», но вскоре, по её собственным словам, оказалась «босиком и беременной на кухне». Она родила первого сына Джонатана (его звали Джон). Через два года — дочь Дианну, ещё через два — Джейн.

Мел не хотел всю жизнь быть клерком и не хотел возвращаться в школу, поэтому решил открыть своё дело. Вскоре после рождения меня и моего брата-близнеца Троя папа устроился продавцом в автосалон Holden на Золотом Берегу. Родители переехали туда из Брисбена. Мел

освоил профессию, они взяли ипотеку, купили дом, по выходным его ремонтировали, потом продали с прибылью. И так несколько раз. Папа работал полный день в автосалоне, мама — полный день растила пятерых детей, и при этом по выходным они вместе занимались ремонтом.

После нескольких таких операций отец накопил достаточно денег, чтобы купить собственный автосалон в маленьком городке Маллумбимби на севере Нового Южного Уэльса. Так появился автосалон «Мел Хансен Холден».

Какое-то время мы жили в маленьком съёмном двухкомнатном доме у железной дороги, пока копили на строительство большого собственного дома. На деньги от бизнеса они построили дом в новом районе Оушен-Шорс. Когда мне было три года, Мел, Анжела и мы шестеро детей переехали в новый дом в Оушен-Шорс.

Мои первые воспоминания о родителях начинаются с того времени, когда папе было тридцать восемь, а маме — тридцать шесть. Они были уже не молодыми, но и не старыми. Старший брат Джон — пятнадцать лет, Дианна — тринадцать, Джейн — одиннадцать, мы с Троем — три года, а младший брат Крейг — полтора года. Представляете: трое подростков и трое малышей под одной крышей одновременно!

Мама очень хотела четвёртого ребёнка после того, как у неё был мертворождённый. Когда она наконец забеременела, оказалось, что это близнецы! Говорят, когда она узнала результат УЗИ, пришла домой, легла в кровать и расплакалась. А папа и старший брат плакали от радости. Позже, принимая раннюю и не очень надёжную версию противозачаточных таблеток, мама забеременела нашим младшим братом Крейгом.

Трой (7), Крейг (5) и Бретт (7)

С тех пор как мы уже упомянули «любить, чтить и слушаться», стоит сказать и про «пока смерть не разлучит нас». Как я уже говорил, у обоих родителей были сложности с общением,

поэтому время от времени копилось напряжение, которое выливалось в ссоры. Обычно мама перечисляла отцу все случаи, когда он её подвёл, и говорила, как она из-за этого несчастна. В такие моменты я иногда даже хотел, чтобы они развелись.

Но когда я жаловался, отец спокойно говорил: «Да всё с ней будет нормально через пару дней, приятель. Пройдёт, вот увидишь». И действительно проходило.

Когда все шестеро детей разъехались, родители стали гораздо ближе друг к другу, и я с радостью отмечаю, что с возрастом они стали счастливее. Мама немного научилась психологии и умению разговаривать по душам, смотря ток-шоу вроде «Шоу Фила Донахью», пока гладила бельё. Отец — из фильмов и программ текущих событий.

Сейчас в наших разговорах с восьмидесятипятилетней мамой появилось настоящее тепло и связь. Мы оба за эти годы проделали большой путь. Без стресса от детей и ипотеки родители в старости стали настоящими друзьями. Их речь стала мягче. Они вместе гуляли по пляжу, заботились друг о друге, ходили вместе к врачам и напоминали друг другу про лекарства.

Я стыжусь своей прежней нетерпимости к ним и теперь восхищаюсь той глубокой преданностью, которую они сохраняли друг к другу десятилетиями. Их терпение и способность прощать в долгом браке вызывают уважение. Австралия — огромная страна, дети разъехались в разные стороны из-за работы и своих семей, и Мелу с Анжелой действительно нужно было опираться друг на друга. И они опирались.

Как монах, я обычно приезжал к родителям на неделю раз в два года. Около десяти лет назад по какой-то удивительной синхронистичности я оказался с ними в кабинете врача, когда они получили результаты МРТ. У отца обнаружили неоперабельную злокачественную опухоль в лёгком. В этом не было ничего удивительного — он выкуривал пачку сигарет в день в течение сорока лет и бросил только около шестидесяти.

Врач сказал, что химиотерапия замедлит рост опухоли и даст дополнительное время, но, скорее всего, она снова начнёт расти. Отец прошёл химию, и это действительно дало ему несколько дополнительных лет. Было интересно наблюдать, как он относился к болезни. Он никогда не говорил «рак», а называл это «та штука в моём лёгком».

Мне казалось, что оба родителя находились в отрицании того, что эта опухоль — смертный приговор. Я в тот день в кабинете врача почувствовал сильный удар. Меня раздражало, что они не признают, что папа скоро уйдёт и ему нужно готовиться внутренне. Но их стоицизм и упорство имели и положительный эффект: Мел оставался дома, сам ел, мылся и ходил в туалет почти до самого конца — до последних десяти дней.

Когда его всё-таки перевели в хоспис в километре от дома, он сказал моему брату Крейгу: «Приятель, кажется, я не выберусь».

Брат ответил: «Нет, папа, не выберешься».

Тогда отец сказал: «Больше всего меня огорчает, что я оставляю маму одну». Эта фраза показала глубину его любви и ответственности.

Брат пообещал: «Мы присмотрим за ней, папа». Отец ответил: «Спасибо, приятель».

Через несколько дней после этого разговора мама проснулась среди ночи около часа. Быстро оделась и вышла из дома. Моя старшая сестра Джейн, которая приехала помочь, услышала её и спросила: «Мам, ты куда?»

Анжела ответила: «Иду к твоему отцу».

Джейн хотела отвезти её, но мама сказала, что хочет пойти одна пешком.

Она пришла в хоспис одна, глубокой ночью, села у кровати мужа, тихо взяла его за руку. Через несколько минут он тихо ушёл. Она держала его за руку, когда он сделал последний вдох и покинул этот мир. Она чувствовала, что сдержала свои брачные обеты — «пока смерть не разлучит нас».

Мел был первой любовью Анжелы, а Анжела — первой любовью Мела. Они прожили в браке пятьдесят семь лет.

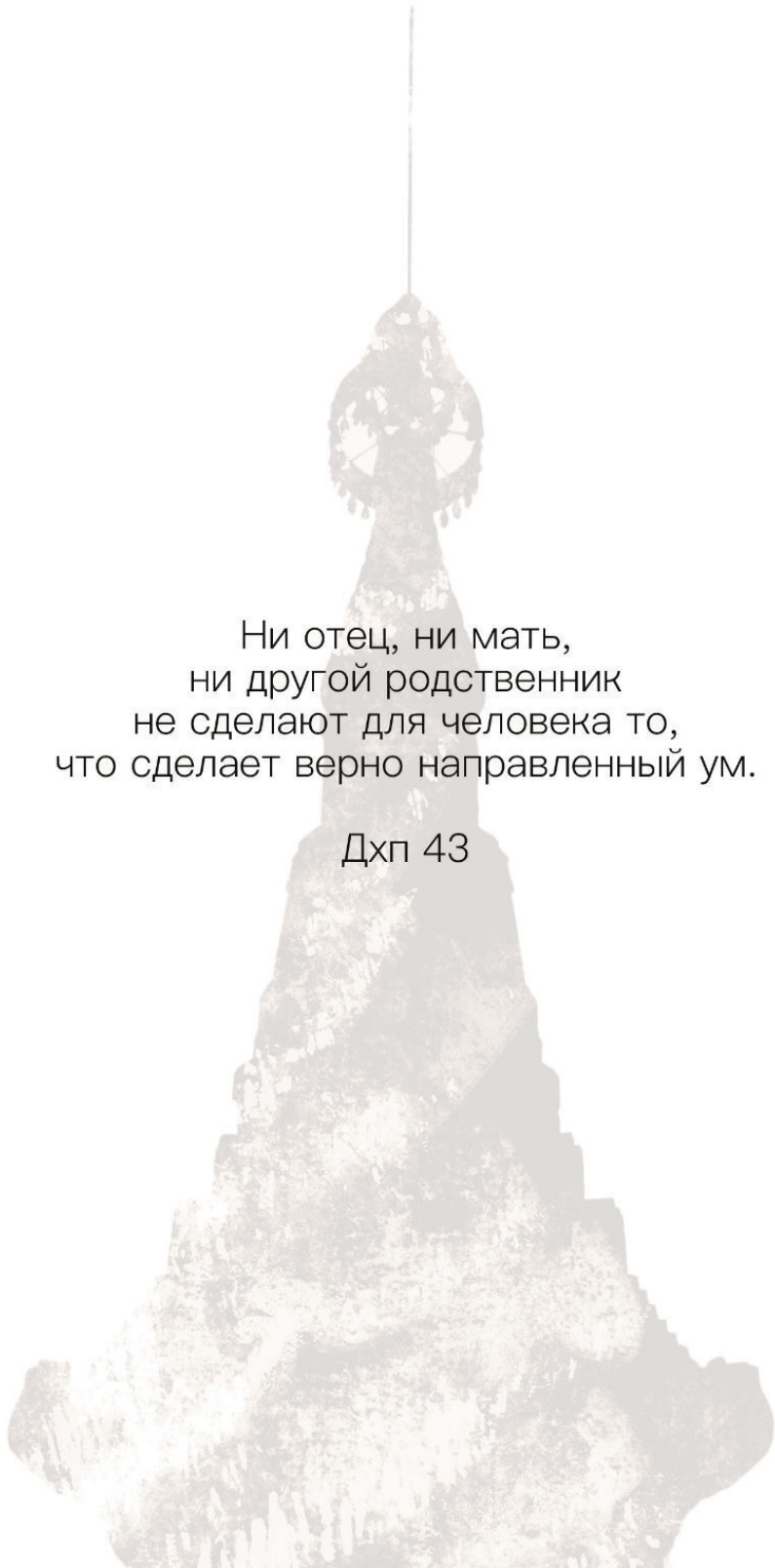
Когда я разговаривал с мамой несколько дней назад, ей было восемьдесят пять. Она только что успешно прошла обязательный тест на вождение для людей её возраста в Австралии. Просила меня подумать о ней в день экзамена. На тесте она была в браслете, который я ей когда-то благословил. Почти каждый день она выгуливает золотистого ретривера моей сестры Джейн — минимум пять километров. Сама ходит за покупками, готовит и живёт одна, без посторонней помощи. Всё это — предмет её гордости.

Мои родители были «алмазами в необработанном виде». Я буду писать честно и открыто и о хорошем, и о плохом, что было в моём детстве и юности. Но они были алмазами. Анжела остаётся им и по сей день.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РАННИЕ ГОДЫ (3-10 ЛЕТ)

Ни отец, ни мать,
ни другой родственник
не сделают для человека то,
что сделает верно направленный ум.

Дхп 43

ГЛАВАВТОРАЯ

Ранние годы (3–10 лет)

Я родился 4 июня 1972 года в 5:50 утра в больнице Принцессы Александры в Брисбене, штат Квинсленд. Мои трое старших братьев и сестёр были на восемь–двенадцать лет старше меня. Хотя моё появление не было случайностью — мама очень хотела четвёртого ребёнка после того, как несколько лет назад у неё родился мёртвый малыш, — близнецы точно не входили в планы.

Я, Бретт Мелтон Хансен, появился на свет первым из двух мальчиков, на двадцать минут раньше своего брата Троя Дональда Хансена. До сих пор не понимаю, как близнецы решают, кто выйдет первым в этот мир, но, кажется, Трой обижается на меня за это до сих пор! Моё среднее имя — Мелтон — я получил в честь отца, а среднее имя Троя — в честь лучшего друга отца.

В момент нашего рождения родители жили в Брисбене, но позже переехали на пару часов езды к югу. Они несколько раз меняли дома — ремонтировали их и продавали с прибылью, — пока мы наконец не обосновались в районе Оушен-Шорс, где и начинаются мои первые осознанные воспоминания.

Прежде чем рассказывать о конкретных событиях раннего детства, хочу немного рассказать о том месте, где мы жили. Оушен-Шорс в регионе Байрон на крайнем северо-востоке Нового Южного Уэльса — место довольно интересное. Это был новый жилой район с красивыми широкими гладкими дорогами и отличной ливнёвкой, но в те годы там почти никто не жил! Посреди района находилось поле для гольфа на восемнадцать лунок, совсем рядом с нашим домом.

Когда я катался на трёхколёсном велосипеде (а позже на самокате или ВМХ), то видел далеко слева дома семей Лум и Кроуфорд, а далеко справа — дом Макдональдов. Большинство участков тогда пустовало, поэтому для маленьких мальчишек это было просто райское и безопасное место для катания на велосипедах. До океана было совсем недалеко, но чтобы добраться до пляжа, нужно было десять минут объезжать вокруг эстуария.

Наш любимый местный пляж назывался Нью-Брайтон. Он совсем не походил на английский Брайтон — никаких домов и магазинов рядом, и каждый раз, когда мы туда приезжали, огромный пляж длиной в несколько километров был полностью в нашем распоряжении. Погода почти всегда стояла потрясающая: ярко-синее небо, тёмно-синее море, лёгкий бриз и приятная температура. Это было настоящее детское царство. Песок был белый, очень мягкий, богатый кремнезёмом и при ходьбе поскрипывал. Волны отлично подходили для бодисёрфинга. Если посмотреть направо, на горизонте был виден мыс Байрон — самая восточная точка Австралийского континента.

На пляже Нью-Брайтон не было ни сетей от акул, ни спасателей, но нас это особенно не беспокоило. Мы просто верили, что всё будет хорошо, и нам, к счастью, везло. Хотя мы знали и печальные истории: сёстры знали серфера, которого убили акулы у Байрона, а во время помолвки моих родителей они выскочили из воды после сигнала об акуле и видели, как на носилках уносят бледное обескровленное тело. Мы понимали, что такое возможно, но всё равно рисковали.

Мы научились определять сильное течение или боковую тягу по тому, как разбиваются волны. Мы шли вдоль берега, сколько нужно, пока не находили место, где волны хорошие и купаться безопасно. Нас учили: если попал в тягу — не плыви против неё, а двигайся по диагонали к берегу. Придётся проплыть дальше, но с меньшими усилиями. Выбравшись из течения, уже можно плыть прямо к берегу.

Оушен-Шорс и Нью-Брайтон звучат современно и по-английски, но мы жили недалеко от множества маленьких городков с традиционными аборигенскими названиями. Посёлок Бил-

линуджел находился всего в километре от нашего дома. Каждый год день рождения старушки Ма Ринг — почти столетней хозяйки местной пивной — был большим событием, о котором даже писали в местных новостях. Мурвиллумба находился в получасе езды по красивым дорогам через тропический лес.

Маллумбимби был в двадцати минутах езды — там мы с Троем ходили в детский сад. А когда мне было четыре года, отец продал свой автосалон Holden в Маллумбимби и построил более крупный салон Toyota в Баллине, примерно в сорока минутах езды к югу от Оушен-Шорс.

Если оглянуться назад, в раннем детстве мы жили в «начинающем» районе, окружённом потрясающе красивой, почти нетронутой природой, среди названий, напоминающих о коренных народах, которые жили здесь раньше. (Сейчас этот район сильно застроен и пересечён четырёхполосными шоссе.)

Сложно выделить самое первое воспоминание из этой жизни. Несколько эпизодов крутятся в голове, и все они примерно с трёхлетнего возраста — именно тогда начинаются осознанные воспоминания. Самые ранние — это игры с братом-близнецом Троем и младшим братом Крейгом, когда мы все ещё были в подгузниках. Когда мама нас звала, она всегда звала всех троих сразу. Поэтому мои первые воспоминания — это ощущение, что мы «Бретт, Трой и Крейг» — единая команда.

Ещё помню, как я крутил вверх дном крышки от кастрюль по плиточному полу на кухне у маминых ног. Она разрешала мне это недолго, пока грохот не становился невыносимым. Иногда она отвлекала меня остатками теста от пирога или печенья в миске. Я соскребал липкое тесто и облизывал пальцы.

Мама однажды сказала, что научилась примерно понимать, чем занимаются её трое малышей, по звукам — или по их отсутствию. Она всегда держала одно ухо открытым, пока убирала или готовила на кухне, и прислушивалась к тому, что происходит в комнате с телевизором, где нас обычно «загоняли». Весёлая тарабарщина и болтовня — нормально. Небольшая ссора — тоже нормально. Громкий плач — уже проблема. А больше всего она боялась затянувшейся тишины.

Однажды, когда тишина слишком затянулась, она зашла в комнату и увидела, что телевизор тихонько повален на пол. Задняя крышка снята, провода, лампы и всякие детали аккуратно вытащены и разложены вокруг. То, что мы трое очаровательных сорванцов в тот раз не ударились током, — настоящее чудо. Мама прервала тишину громким криком ужаса.

Я сам этот момент не помню, но подозреваю, что пытался найти внутри телевизора персонажей «Улицы Сезам» и других мультиков. В детской голове они ведь действительно жили внутри этого ящика.

Одно я помню очень ясно — появление нового цветного телевизора. Мне было около трёх лет, значит, это 1975 год. Когда включили новый «ящик для идиотов», как называла его бабушка, я был искренне потрясён, увидев, что Кермит — на самом деле зелёный, Гровер — синий, Большая Птица — жёлтая, а мистер Снаффлупагус — коричневый! Много лет я думал, что они все просто разных оттенков серого.

Ещё одно раннее воспоминание того периода — как мы с Троем тихонько перелезали через оцинкованный сетчатый забор на заднем дворе, чтобы исследовать озеро прямо за нашим домом. Помню это, наверное, из-за боли — нужно было сильно зажимать проволоку между большим и вторым пальцем ноги, медленно подтягиваться, потом переваливаться и спускаться тем же способом. Пальцы между ног сильно болели, но это нас никогда не останавливало.

Крейг, который был на полтора года младше, ещё не умел самостоятельно перелезть и смотрел на нас сквозь забор с большим любопытством. А через некоторое время появлялась мама — «шериф» — и начинались крики и ругань. Много лет спустя она призналась, что втайне восхищалась тем, как трое малышей могли так слаженно и тихо устроить такой акробатический

побег. Когда старшие — Джон, Диана и Джейн — возвращались из школы, присматривать за нами становилось легче.

Детство — время сплошной путаницы: пытаешься понять, что можно, а что нельзя, что смешно, а что нет. Однажды, когда в гости приехала мамина мама, я решил попробовать её тальк, который она оставила в ванной. Меня так впечатлила его шелковистая белизна и свежий запах, что я полностью обсыпал им себя с головы до ног.

Братья увидели это и тоже захотели. В итоге я обсыпал и их — мы вытряхнули всю баночку! В тот раз все решили, что это очень смешно, и нас даже не отшлёпали. Более того, сделали поляроидный снимок на память. Хотя бывали и другие случаи, когда я думал, что очень смешно, а мама так не считала — и тогда я получал ложкой по попе.

Бретт, Крейг и Трой покрыты тальком

В это же время я помню, как просыпался под звуки игры моей старшей сестры Дианны на пианино. Она всегда играла одну из трёх вещей: «К Элизе» Бетховена, «Палочки» или тему

из фильма «История любви». Мне никогда не надоедало. Я считал настоящим волшебством, что Дианна может заставить этот инструмент издавать музыку. Там ещё были рулоны с классикой — Бетховен, Моцарт. Мы, мальчишки, обожали, как клавиши сами двигались, будто духи великих композиторов невидимо играют в гостиной.

В моём раннем детстве было много музыки. До сих пор я лучше всего учусь через слушание и зрительные образы, а не через чтение. Поэтому песни тех лет помню очень ярко. Папа часто ставил Тома Джонса и Нила Даймонда. Позже — The Beatles, Кэт Стивенс и любовные песни Элвиса. Сёстры слушали Дэвида Боуи и новозеландскую группу Split Enz. Часто звучали В-52s с «Рок-лобстер», «Горячая августовская ночь», «Зигги Стардаст» и «Люби меня нежно». Всё это было саундтреком моего раннего детства.

Мы втроём с братьями по воскресеньям вечером смотрели передачу «Каунтдаун» вместе со старшими подростками-сиблингами. Там показывали интервью и выступления новых рок- и поп-групп, а также клипы на текущие хиты австралийского топ-10. Это было что-то вроде предшественника «Эм-Ти-Ви». Вся семья смотрела шоу талантов «Юные таланты» и «Донни и Мари».

Просмотр телевизора всей семьёй был важным ритуалом в семидесятые и восьмидесятые. Мама и папа сидели в креслах, Джон, Дианна и Джейн — на пуфах, а мы трое — на ковре, прислонившись к пуфу. В Австралии тогда было всего три-четыре телеканала. Не было смартфонов, планшетов, «Нетфликс» и «Ютуб»! Мы смотрели телепрограмму в воскресной газете и всей семьёй выбирали, что смотреть.

Мамина готовка была вдохновлена традиционной английской кухней — «кухней матери-родины». Обычно на ужин — мясо и три вида овощей с горячим десертом. Типичные блюда: солонина с белым соусом, свиные отбивные с яблочным соусом, стейк или сосиски в луковом соусе, жареная баранина, говядина или курица. Всё это подавалось с картофельным пюре, морковью, горошком или фасолью. К ростбифу — запечённая тыква и картошка. На столе всегда стояли приправы: соль, перец, вустерский соус, мятный соус и кетчуп.

Несколько лет, когда у родителей было относительно хорошо с деньгами, мы по пятницам ходили есть вне дома. Иногда в мексиканский ресторан «Мексиканский Мик» в Байрон-Бэй, иногда в «Пицца Хат» на Киру-Бич. Я предпочитал «Пицца Хат», потому что запах кукурузных тако в «Мексиканском Мике» мне казался просто невыносимым. В «Пицца Хат» был шведский стол с салатами — мы наедались пиццей, чесночным хлебом, салатом и колой.

По субботам папа жарил барбекю на заднем дворе, чтобы дать маме отдохнуть. В такие вечера мама готовила только простой салат. По воскресеньям обычно были запечённые бобы на тостах и доедали остатки за неделю.

Мел, Джон, Джейн, Трой, Крейг, Анжела, Бретт и Диана, 1976

Поскольку мы жили в довольно отдалённом районе, мама ездила за продуктами за полчаса в Твид-Хедс. Перед большим шопингом мы всегда заезжали в кофейню с пончиками у парковки. Запах свежих пончиков в коричневой сахарной пудре был просто головокружительным. Мама пила капучино, а мы, мальчишки, получали по пончику.

Это были семидесятые — ремни безопасности и детские кресла в машинах ещё не использовали. Я очень любил лежать на полу за водительским сиденьем: одно колено упирается в сиденье, другое — в заднее, а голова лежит на выпуклости заднего моста. Гул и шорох дороги внизу успокаивал, вибрация была как массаж. По радио на средних волнах играли хиты семидесятых. Я помню смешанный плейлист: Boney M, Джон Денвер, Дионн Уорвик, Fleetwood Mac. Верхушки деревьев проносились быстро, а облака двигались медленно — это бесконечно завораживало меня с моей позиции на полу машины.

Сейчас, когда я ростом 192 сантиметра, мне кажется невероятным, что я когда-то помещался в таком маленьком пространстве! Не знаю почему, но это, пожалуй, моё самое счастливое воспоминание раннего детства. Я обожал эти поездки за покупками из своего уютного

уголка на полу, под музыку, с пролетающими деревьями и облаками и горячим коричневым пончиком, который ждал меня в торговом центре!

Помню, как отец иногда играл в гольф со старшим братом, когда мне было четыре-пять лет. Вместо того чтобы ехать к клубу и играть все восемнадцать лунок, они шли коротким путём прямо с нашего участка на поле и играли только последние девять. Папа спрашивал, хочу ли я с ними. Обычно мы с братьями шли вместе.

У нас было соглашение: если мы найдём мячи для гольфа в прудах, болотах или высокой траве, отец даст нам деньги. На них мы могли купить рулончик леденцов «Лайф Сейверс» или коробочку «Тик-Так». Обычно мы находили один-два мяча, но если не везло, мы тихонько вытаскивали мяч из папиной сумки, делали вид, что нашли, и продавали ему его же собственный мяч!

У меня есть ужасное подозрение, что именно я придумал этот «план Б» и чаще всего его исполнял. Девять лунок плюс дорога домой — это очень далеко для пятилетних ног, и мой маленький мозг решил, что сахар в такой ситуации просто необходим.

На поле для гольфа было много интересного. Когда мы искали мячи в прудах, я любил вставать на колени, нюхать и разглядывать фиолетовые кувшинки у края. Меня завораживало, как листья и цветы поднимаются из воды и при этом остаются сухими. Я подолгу смотрел на бутоны под водой и наблюдал, как пчёлы собирают пыльцу с жёлтых тычинок. Особенно прекрасен был запах ранним утром.

Было интересно смотреть, как маленькие рыбки-гуппи щиплют поверхность воды. По прудам ходили белые цапли на длинных ногах, летали и кричали вороны, кулики, попугаи, какаду, кукабарры и розовые какаду. Но больше всего я любил фиолетовые кувшинки — и их запах, и их вид.

Если было зимой, колени брюк промокали от росы, а рука потом долго оставалась холодной после того, как я доставал мяч из пруда. Помню пар от нашего дыхания. Но зимы в Северном Новом Южном Уэльсе были короткими, а весна, лето и осень — длинными.

Поскольку у нас было около восьми месяцев в году солнечной погоды с температурой от 15 до 25 градусов — возможно, лучший климат в стране, — у меня сформировалось несколько искажённое представление о том, какой «правильной» должна быть погода!

Ещё одно раннее сознательное воспоминание — как иногда у отца «вылетал» диск в спине после гольфа. Ему приходилось много лежать и ползать по дому несколько дней. Нам, детям, это казалось весёлым — папа дома ползает по ковру. Я просил залезть ему на спину и покататься, как на лошадке. Он какое-то время соглашался, пока прыжки, «но-о-о!» и размахивание воображаемым лассо не начинали причинять ему слишком сильную боль. Тогда он морщился и говорил: «Думаю, на сегодня хватит, приятель». Ещё помню, как он по вечерам пил пиво и иногда давал мне попробовать. Я каждый раз думал, что это ужасно.

В три года (кажется, около четырёх) мы с Троем пошли в детский сад. В четыре года я рассказал одну особенно большую ложь. После того, как мама высадила нас у сада, мы поднимались по лестнице, и я услышал, как одна воспитательница спросила: «Откуда этот торт?» А вторая ответила: «Не знаю».

Мой четырёхлетний мозг понял, что торт можно взять, и не хотел упустить его из-за неясного происхождения. Я повернулся к Трое и сказал: «Давай скажем, что у нас сегодня день рождения!»

Трой в ужасе ответил: «Они спросят, что нам подарили!» Я быстро нашёлся: «Скажи, что нам подарили на Рождество».

Мы зашли, и я уверенно объявил: «У нас сегодня день рождения!»

В итоге нам устроили маленький праздник! Весь класс спел «С днём рождения», мы задули свечки и съели по кусочку торта. Но пока все пели, я едва не расплакался. Мне было так стыдно и неловко от этой большой лжи. Желудок сводило, внутри всё сжималось.

Когда мама приехала забирать нас, воспитательницы спросили: «Анжела, почему вы не сказали, что у близнецов день рождения?» Мама ответила: «Потому что это не их день рождения!»

В машине она меня сильно отругала: «Как ты мог такое сказать? Зачем ты это сделал? О чём ты думал? Как ты мог меня так подставить? Мне так стыдно!»

Ответ был прост: там был торт, и я хотел кусочек. Если посмотреть с одной стороны, умение быстро придумать и реализовать стратегию — признак сообразительности. Но если бы мне не было стыдно, это уже пахло социопатией! Думаю, я просто был ребёнком, который пытался понять, что приемлемо, а что нет. После этого мучительного случая я стал гораздо реже врать по-крупному.

Ещё одно довольно травматичное воспоминание из детского сада — когда воспитательница заметила, что я хорошо рисую и раскрашиваю, но никогда ничего не вырезаю ножницами. Однажды она подошла ко мне с ножницами и настояла, чтобы я что-нибудь вырезал. Она не знала, что мама строго-настрого запретила мне даже прикасаться к ножницам. Я ужасно испугался, оттащил шкаф от стены, спрятался за ним и присел на корточки.

Потом я сам понял, что отреагировал слишком бурно, и начал задавать себе вопросы. В тот же день, когда я остался дома один, я сразу полез в мамину шкатулку для шитья, достал большие ножницы, внимательно их рассмотрел, пытаюсь понять, чего в них страшного, и, не найдя ничего ужасного, пошёл в свою комнату и начал резать покрывало на кровати. Когда мама зашла и закричала, я объяснил, что воспитательница меня ругала. На следующий день мама отчитала и воспитательницу!

Мама считала, что детей нужно воспитывать строго, если они действительно шалят. Она придерживалась принципа «пожалеешь розгу — испортишь ребёнка». В нашем доме всегда нужно было говорить «пожалуйста», когда просишь, и «спасибо», когда получаешь. Если обидел кого-то — «извини». Если намусорил — помогал убирать. Мы чистили зубы утром и вечером, мыли руки после туалета. Маленькими нас купали каждый вечер, позже — горячий душ. Нельзя было говорить с полным ртом.

Эти правила строго соблюдались. Мы были чистыми и воспитанными, но могли бегать босиком по двору или кататься на велосипедах без обуви на короткие расстояния. Иногда мы катались часами, и мама не возражала — в нашем районе было очень безопасно. Так что моё воспитание было балансом дисциплины и свободы, основанной на доверии.

Когда дело доходило до наказаний, обычно сначала следовало предупреждение. Если продолжал — были последствия. В моей памяти почему-то всегда наказывали именно меня! Наверное, справедливо — я часто был заводилой и любил огрызаться. Иногда, если я особенно упирался, мама говорила отцу: «Мел! Воспитавай своего сына!»

Отец обычно отправлял меня в комнату. Думаю, из-за того, что в детстве его самого сильно бил отец, он не хотел бить своего сына. Поэтому, когда мама его доставала, он некоторое время собирался с духом, а потом шёл ко мне в комнату. Это играло мне на руку: я быстро надевал все трусы, какие были, и подтягивал шорты. Когда отец снимал ремень и стегал меня по одежде, я притворно кричал и плакал. А когда он уходил и заходили братья, я уже смеялся. Это случалось нечасто, и отец так и не понял, что хотя крики и были, настоящих слёз не было.

В пять лет мы с Троем пошли в школу на полгода раньше обычного. Директриса хотела набрать больше учеников, чтобы не потерять учительницу, и попросила маму помочь. Школьный автобус забирал нас прямо перед домом. На нём ездили и в начальную, и в среднюю школу, и в католическую частную, поэтому мы были в одном автобусе со старшими братьями и сёстрами.

Трой и Бретт (5 лет), первый день в школе, 1978

Как самые маленькие в переполненном автобусе, мы сидели прямо рядом с водителем. Нужно было сидеть по-турецки и держаться за железную перекладину. Водителя звали мистер Хэмилтон. У него сильно пахло потом, и после поездки руки у меня пахли ржавым железом. Если мы слишком громко разговаривали или смеялись, он нас щипал. Неудивительно, что я его не любил.

Зато я очень любил свою воспитательницу в подготовительной группе, миссис Маккормак. Она разговаривала с детьми как с друзьями. Я хорошо помню, как она рассказывала нашему классу пяти-шестилеток о своём медовом месяце. Ничего слишком откровенного, но она сказала, что ей очень нравилось ощущение, когда муж целует её своей бородой!

Ещё она рассказывала, как ей понравился тост в отеле — хрустящий снаружи, но тёплый и мягкий внутри, просто тает во рту. Думаю, меня так впечатлили радость, любовь и благодарность, с которыми она об этом говорила. Однако после того, как она однажды ударила меня линейкой по руке, моя любовь к ней быстро прошла.

Почему она меня ударила? Однажды после дождя на улице я нашёл дождевого червя, который извивался по бетону. Как нормальный шестилетний мальчишка, я его поднял. Стоявшая рядом девочка Лиза Макдональд (моя соседка) посмотрела на это с ужасом, и я, естественно, кинул червя в её сторону. Она завизжала и расплакалась.

Миссис Маккормак подбежала, узнала, в чём дело, заставила меня вытянуть руку и ударила линейкой. Я был очень возмущён! Мне казалось, что шлёпнуть должны были Лизу за то, что она такая глупая — это же всего лишь дождевой червь.

Бретт и Трой (6 лет), первый день первого класса, 1979

В первые два года мы с Троем сидели за одной партой, пока учителя не решили, что нам лучше сидеть отдельно. Во втором классе учительница миссис Пирс (она же была директрисой) раздавала книги детям, сидевшим на полу вокруг неё. Одна книга упала и ударила меня. Я возмутился: «Эй! Книга попала мне по голове, мисс!» На что она ответила: «Хорошо, потому что ты слишком много болтаешь!» После этого я её тоже особенно не любил.

В третьем классе, когда мне было восемь лет, дети играли в догонялки. Девочка по имени Крисси Макэлвейн догнала меня, прижала к стене и поцеловала в губы! Она была высокой блондинкой с голубыми глазами и смуглой кожей — довольно симпатичная. Но я был в шоке и почувствовал себя глубоко оскорблённым. Я перестал играть в догонялки и буквально больше никогда с ней не разговаривал.

Жизнь каждого человека от рождения до смерти — это уникальное сочетание удовольствия и страдания, сукхи и дуккхи, как говорят на языке пали. Моё детство не было исключением.

Примерно в пять лет, возвращаясь домой из школы, я выходил из автобуса, открывал входную дверь — и меня сразу окутывал запах выпечки. Мама часто пекла печенье и разные пудинги, и запах был божественный. Я вбегал на кухню с криком: «Мамочка, мамочка, что ты испекла? Можно мне кусочек?!» А она часто отвечала: «Слезь с моего чистого пола в грязных ботинках! Я только что помыла! Выйди!»

Я до сих пор помню то грустное, тоскливое чувство в такие моменты. Мама была очень погружена в домашние дела. Еда была вкусная и полезная, в доме было чисто, безопасно и аккуратно, играла весёлая музыка. В школе всё было нормально — у меня были друзья, и я неплохо учился. Но, к сожалению, когда я приходил домой из школы, меня почти никогда не встречали словами: «Привет, дорогой, как прошёл день?»

Если я пытался показать маме рисунок или поделку из сада или школы, она говорила «М-м-м» и даже толком не смотрела. Наши рисунки никогда не висели на холодильнике. Чаше звучало: «Иди смотри телевизор» или «Иди поиграй с братьями на улице», вместо тёплого разговора с зрительным контактом. Я уносил рисунок к себе в комнату, клал на стол, а на следующий день его уже не было — видимо, выбрасывали. Создавалось впечатление, что мои старания недостаточно хороши, не достойны внимания и празднования. Думаю, это сильно повлияло на самооценку и уверенность не только мою, но и моих братьев и сестёр.

Мама, наверное, сказала бы, что самоотверженная забота о детях с утра до вечера каждый день — это и есть высшее проявление любви. И в этом есть правда. Но для ребёнка любовь измерялась не практическими делами, а чувствами. Поэтому, хотя я и не чувствовал особого тепла в её заботе, забота и любовь, безусловно, были.

Хотя дома атмосфера часто была довольно холодной, снаружи почти всегда было солнечно, тепло и безопасно. Мне повезло, что у меня были братья и безопасный, невероятно красивый район для игр. Кататься вместе на BMX было весело, а дома нас всегда ждал горячий ужин, приготовленный с любовью.

Пока мы были маленькими, мы втроём ели за кухонной стойкой. Нам это очень нравилось, потому что можно было тайком воевать, перекидываясь горошком с ложек. Я любил делать из картофельного пюре вулканы с лавой из кетчупа. Если ударить в правильном месте с нужной силой, лава очень эффектно брызгала. Сёстры потом убрали на кухне и жаловались на бардак, но поскольку мама не видела самого процесса, мы обычно выходили сухими из воды.

Мой старший брат Джон ушёл из дома, когда мне было пять лет, и пошёл в армию. Он приезжал нечасто, поэтому мы не были особенно близки. Старшая сестра Дианна обладала тем естественным теплом и заботой, которого не хватало маме. Она очень любила своих младших братьев. Дианна интересовалась моими школьными делами, спрашивала, как прошёл день. Она была на десять лет старше и казалась мне совсем взрослой.

Однажды Дианна со своей лучшей подругой Рондой пришли в нашу начальную школу играть на гитаре и петь. Я был поражён их выступлением и шокирован, что моя собственная сестра поёт так же хорошо, как солистки шведской группы ABBA! (У нас с Троем тогда были школьные рюкзаки с ABBA.) Дианна много помогала маме по дому, поэтому часто купала нас вечерами, когда мы были совсем маленькими, и, кажется, ей это нравилось. Она была добрая, и я очень её любил.

Конечно, когда мы становимся взрослыми, важно научиться относиться к своим родителям (и другим родительским фигурам) более зрело и отстранённо. Сейчас, когда я пишу эти главы о раннем детстве, уже будучи мужчиной за пятьдесят и наслушавшись историй о родителях других людей, я всё больше понимаю, что мне в мировой лотерее родителей довольно повезло. Они были далеко не идеальными, как и большинство, но они не были злонамеренно жестокими или пренебрежительными. К сожалению, за эти десятилетия, общаясь с людьми как друг, наставник и учитель, я встречал многих, чьи родители были по-настоящему жестокими.

Мне также очень повезло с другими заботливыми людьми, которые появлялись в моей жизни на протяжении детства, юности и ранней взрослости. О некоторых из этих добрых людей, оказавших на меня большое положительное влияние, я расскажу в следующих главах.

Пока я писал эти первые главы о раннем детстве, я ещё глубже осознал, насколько сильно родители повлияли на формирование моего характера больше своим примером, чем словами. Например, то, что мне в маленьком возрасте разрешали кататься на велосипеде без присмотра и плавать в Тихом океане без сетей от акул и спасателей, воспитало во мне здоровое мужество, доверие и бесстрашие. Мы обращали внимание на окружение, но не заикливались на потенциальных опасностях с нездоровым страхом. Я научился верить, что, скорее всего, всё будет хорошо, а если нет — я смогу справиться в момент. Эта глубоко укоренившаяся установка, безусловно, сыграла большую роль в том, что в двадцать один год я нашёл в себе смелость уехать из страны рождения и попробовать совершенно новую жизнь.

Моя готовность взяться за огромный проект — строительство буддийского монастыря с нуля, хотя у меня не было никакого опыта в строительстве, инженерии или управлении проектами, — несомненно, была сформирована бесчисленными часами наблюдения за тем, как родители строили, создавали и ремонтировали дома на протяжении всего моего детства. Благодаря их примеру я научился верить, что смогу разобраться по ходу дела и всегда могу обратиться за советом к более опытным специалистам, когда это нужно.

Одним из того, что нас с мамой объединяло, была общая любовь к красоте природы. Она часто брала меня с собой в магазины садоводства, зная, что из всех детей я больше всего это оценю, и водила всю семью на прогулки по лесу в местных национальных парках. Если на каком-то кусте расцветал особенно красивый цветок, она звала меня посмотреть вместе.

Я считаю, что эти ранние переживания во многом повлияли на мой энтузиазм, когда я взялся за проект восстановления леса при создании лесного монастыря Анандагири. Интересно также отметить, что здесь, в Анандагири, цветущих деревьев и кустарников гораздо больше, чем я видел в других лесных монастырях.

Сегодня я очень счастлив, что у меня тёплые и любящие отношения с мамой, мы часто ведём содержательные разговоры. Мы нечасто видимся лично, но регулярно созваниваемся, и она дважды приезжала ко мне в монастырь в Таиланд. Иногда мне даже удавалось немного наставлять её и помогать ей расти. Она часто говорит, что любит меня и гордится мной, и я от всего сердца отвечаю ей тем же. Точно так же в последние десять лет жизни отца, когда бы я ни говорил с ним по телефону, он всегда заканчивал разговор одними и теми же словами: «Я люблю тебя. Я горжусь тобой и очень по тебе скучаю».

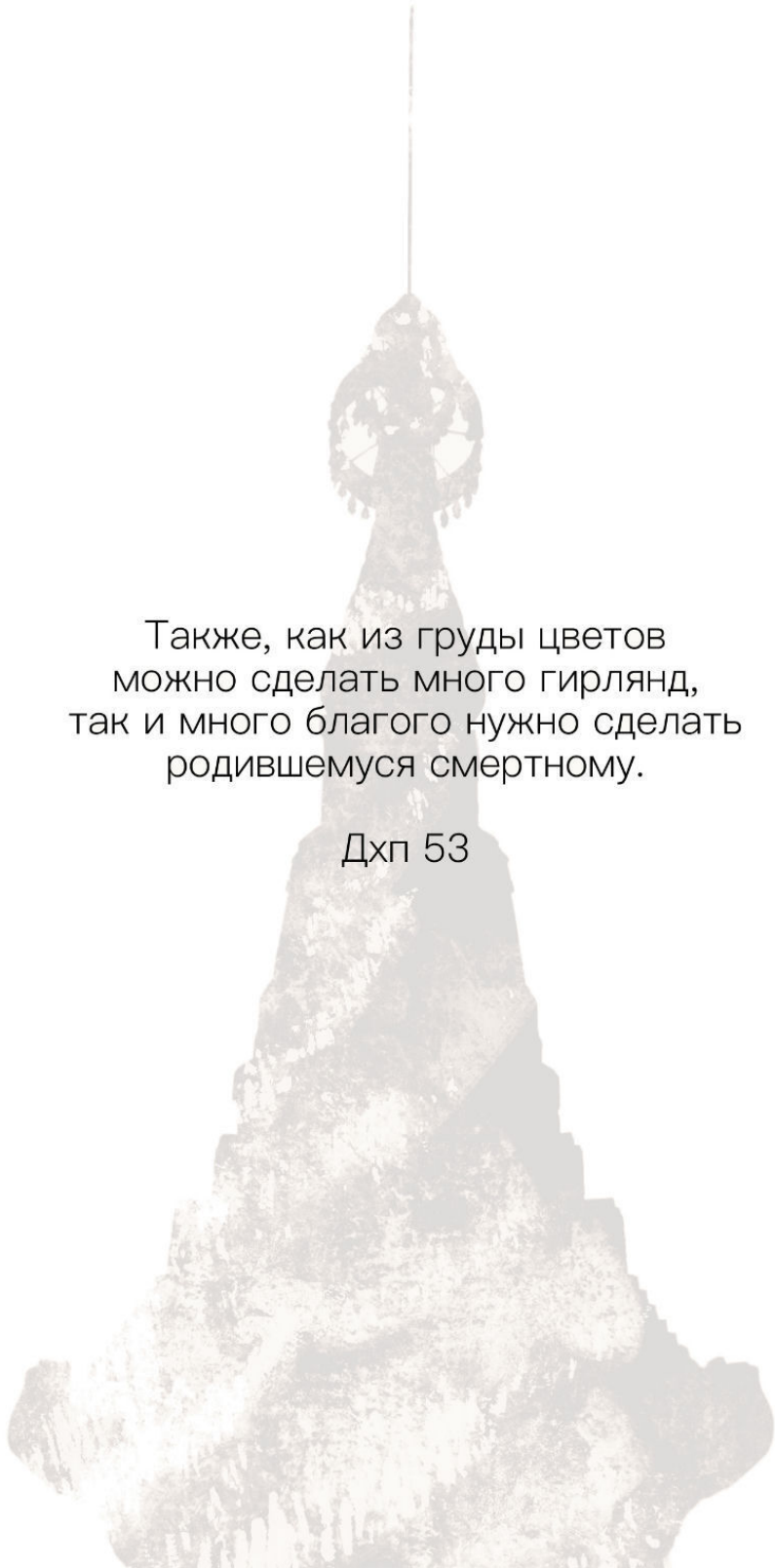

Анжела подносит пищу в Анандагири Форест Монастырь, 2019

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ (3-10 ЛЕТ)

Также, как из груды цветов
можно сделать много гирлянд,
так и много благого нужно сделать
родившемуся смертному.

Дхп 53

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Первые признаки (3–10 лет)

Конечно, между жизнью обычного австралийского мальчика из среднего класса, не имеющего никакого отношения к религии, и жизнью буддийского монаха в лесах Таиланда — огромная дистанция и физически, и культурно. Но оглядываясь назад, я вижу, что уже в детстве было немало знаков, которые намекали на буддийскую практику в прошлых жизнях и на мою будущую жизнь отречения и медитации. Вот несколько из них за первые десять лет этой жизни.

Увлечение кувшинками

Настоящие лотосы в Австралии не растут, но водяные лилии в прудах и озёрах встречаются часто. В четыре-пять лет я, в отличие от большинства детей, мог подолгу стоять и смотреть на фиолетовые водяные лилии в прудах на поле для гольфа возле нашего дома. Я полностью погружался в это зрелище, поражаясь тому, как листья и цветы вырастают из воды и при этом остаются совершенно сухими. Меня также очень сильно завораживал их тонкий, нежный аромат.

Образ лотоса — символа чистоты, который поднимается над грязью и водой, оставаясь нетронутым ими, — очень часто используется в буддийских текстах. Возможно, в прошлой жизни я уже сталкивался с этим символом и проникся им, поэтому в этом детстве мой ум так сильно и так радостно тянулся к этим цветам.

Ни отец, ни братья этого моего восхищения не разделяли, поэтому обычно я, отдуваясь, догонял их бегом.

Австралийская водяная лилия

Сложное созерцание

Однажды, когда мне было около шести лет, я остался один на школьной площадке и со мной произошло странное переживание. Я полностью погрузился в какую-то глубокую мысль — такое созерцание, которое привело к твёрдой убеждённости. Трудно объяснить, но я попробую.

Я искренне верил, что уже умер, и моя душа, настоящее «я», сейчас медленно плывёт вверх в очень долгом путешествии на небеса — путешествии длиною в целую человеческую жизнь. Пока истинное «я» медленно поднималось, я просто наблюдал за этим маленьким мальчиком на площадке, который жил своей жизнью — жизнью, которая на самом деле была лишь воспоминанием уже прожитой жизни. И это воспоминание будет продолжаться, а я буду просто смотреть на него со стороны, без всякого реального участия. У меня было ощущение: «Этот маленький мальчик — не я, то, что я вижу, — просто воспоминания». Я знал, что мне нужно просто проживать момент за моментом, и это займёт много времени, но в конце концов настоящее «я» достигнет небес, когда это воспоминание жизни, которое я наблюдаю, закончится.

Неудивительно, что я не смог объяснить учительнице, почему опоздал на урок, кроме как сказать, что мне нужно было немного побыть одному. В первом классе я даже написал короткий рассказ об этом переживании для школьного задания. Там я описывал, как на самом деле уже нахожусь в пути на небеса, а то, что я переживаю — это просто воспоминание прожитой жизни. К рассказу я нарисовал картинку: труп, который парит вверх посреди неба. Учительница, миссис Кэвени, даже прочитала мой рассказ вслух всему классу. Кажется, она была католичкой, и образ того, как я поднимаюсь на небеса, её тронул.

Конечно, эта вера в то, что я уже мёртв и просто наблюдаю воспоминание своей жизни, пока поднимаюсь на небеса, тогда не имела никакого смысла. Но с точки зрения глубины для шестилетнего ребёнка в этом есть интересные моменты. Размышления о том, жив ли я по-настоящему в настоящем моменте или просто переживаю воспоминание жизни, говорят о созерцательном и склонном к вопросам складе ума даже в таком раннем возрасте.

Из-за этого переживания — нахождения в промежуточном состоянии (подъём на небеса) в ожидании будущей жизни (на небесах), при одновременном переживании воспоминания уже прожитой жизни (маленький мальчик на площадке) — у меня сформировалась твёрдая убеждённость в существовании высших миров и жизни после смерти. Возможно, у меня уже тогда была скрытая система убеждений о множестве жизней, протянутых во времени и в разных сферах существования. Особенно интересно, что это происходило в совершенно нерелигиозной семье.

Страшный осознанный сон

Примерно в шесть лет мне приснился чрезвычайно яркий кошмар. Я до сих пор помню его очень отчётливо и теперь думаю, что это могло быть чем-то вроде созерцательной медитации, произошедшей во сне. Во сне я был ребёнком и лежал один в своей кровати. Начался ветер — я могу описать его только как «дыхание смерти». Он был злым, неумолимым и уничтожал всё на своём пути. Под его порывами вырывало с корнем деревья, уносило всю траву, потом сорвало крышу и стены нашего дома. Небо стало ужасного тёмно-фиолетового цвета, а земля превратилась в безжизненную коричневую пыль.

Я был совершенно один и в ужасе в этом пустом, мёртвом мире. Потом ко мне начало приближаться существо — скелет в тёмно-фиолетовом плаще. Я слышал, как его костяные ноги хрустят по земле и камням. Я проснулся с криком и плачем, ещё до того, как он дошёл до меня, и побежал в гостиную, где родители смотрели вечерний фильм. Они успокаивали меня: «Это просто сон... просто сон» — и дали кусочек шоколада. Я очень боялся снова засыпать.

Будда описывает обусловленный мир, в котором мы живём, как «царство смерти». Он говорит, что уже самым фактом рождения мы идём рука об руку со смертью, потому что всё обусловленное возникает и затем исчезает. Этот сон был, похоже, зрительной метафорой этого учения — со страшным призрачным существом, похожим на жнеца смерти, архетипом смерти (возможно, воплощением Мары — существа в буддийской космологии, чьё имя буквально означает «приносящий смерть»).

Оглядываясь назад, такой сон в таком раннем возрасте говорит о том, что я, вероятно, уже раньше размышлял над этими темами и был с ними знаком. Возможно, его появление было результатом прошлых обетов и решимости помнить о непостоянстве обусловленного мира во всех будущих жизнях, чтобы продолжать благородный путь к ниббанае и не поддаваться иллюзиям и отвлечениям преходящего мира.

Любознательность и спорливость

В пять-шесть лет во время семейных поездок на машине по выходным я часто засыпал родителей вопросами обо всём на свете. Дело доходило до того, что отец запрещал мне задавать дальнейшие вопросы до конца поездки, на что я сразу спрашивал: «А почему? Почему я больше не могу задавать вопросы?»

Иногда я ещё и огрызался, если ответ меня не устраивал. То же самое было в школе с учителями. Во всех моих табелях писали, что я умный, но мешаю на уроках. Маленьким мальчиком я очень внимательно слушал на занятиях, потому что мне правда хотелось понять, как и почему всё устроено. У меня также было много вопросов о более глубоком смысле и цели жизни.

Недоумение по поводу Бога

Как было принято в то время в австралийских государственных школах, с семи лет я ходил на еженедельные уроки христианского вероучения. Милая пожилая женщина, которая вела эти уроки, дала мне Библию и объяснила, что некто по имени «Бог» сотворил всю вселенную и отдал своего единственного сына Иисуса, чтобы тот умер за мои грехи.

Это меня сильно озадачило, но я искренне хотел понять, о чём она говорит. Поэтому однажды, когда папа пришёл с работы, я спросил: «Пап, если Бог создал мир и меня, и я мальчик, то почему Иисус — единственный сын Бога? А я разве не считаюсь? Разве я тоже не сын Бога?» Отец ответил: «Бог тебя не создавал, приятель. Это мы с мамой тебя сделали».

Я продолжал: «Если Бог создал мир, то почему в Африке есть бедные люди? Почему Он не может сделать так, чтобы всем было хорошо?»

На это отец сказал несколько грубых слов в адрес христианства и добавил: «Тебе не нужен этот груз вины в жизни, приятель». После этого разговора он написал письмо директрисе с просьбой освободить его детей от уроков религии.

С тех пор мы, трое мальчиков Хансенов, во время уроков религии ходили в библиотеку вместе с одной девочкой-индуисткой и одной девочкой-свидетельницей Иеговы. Вместо ответов на вопросы о любви, жизни и вселенной я с удовольствием читал «Чарли и шоколадную фабрику» и другие книги Роальда Даля. Хотя я помню, что чувствовал себя раздираемым: мне нравилась доброта этой милой пожилой леди, и мне правда хотелось знать, существует ли Бог. Даже в таком возрасте во мне была сильная жажда и тоска по более глубокому смыслу жизни.

Осознание огромного пустого пространства

Мне было около пяти лет, когда мой старший брат Джон окончил школу, ушёл из дома и пошёл в армию. Старшая сестра Дианна ещё жила дома и заканчивала школу. У неё уже были временные права, и ей разрешалось водить машину без сопровождения, если на заднем стекле была ученическая табличка «Р». У нас был белый пикап (в Австралии его называют «ют») и универсал Toyota Cressida.

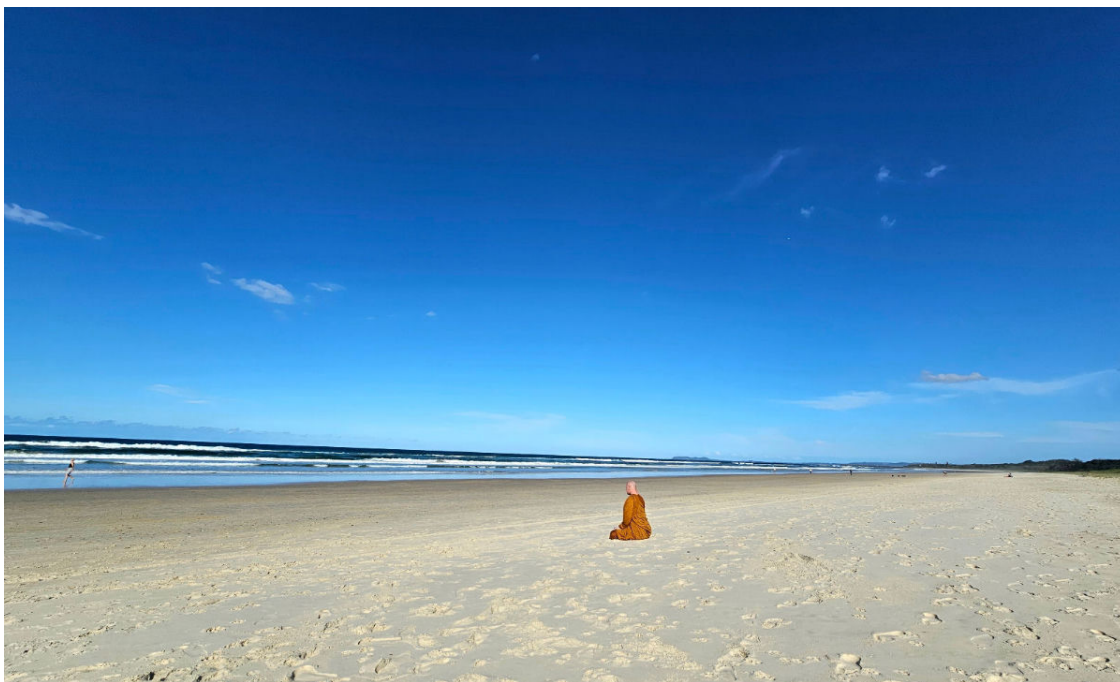
Иногда Дианна ездила на пляж с Джейн и брала с собой младших братьев. Мы трое сидели в кузове пикапа, наслаждаясь солнцем и ветром в волосах. Приехав на пляж, все шли купаться, а потом Дианна и Джейн начинали загорать.

Мы с Троем и Крейгом обычно дольше оставались в воде, потом строили замки из песка, иногда боролись. Ополоснувшись, мы ложились на солнце. Тогда ещё мало знали об опасности рака кожи — мы мазали только носы цинковой мазью, и всё. По моде того времени девушки старались сильно загореть, поэтому мои сёстры загорали топлес: сначала на спине, потом на животе, потом на боку. Для нас, энергичных мальчишек, это казалось вечностью. Помню, сначала я радовался, потом сильно скучал, потом начинал ерзать. Но как только я сдавался и принимал, что мы застряли здесь, пока сёстры полностью не «зажарятся», происходило нечто удивительное.

Прислушиваясь к звукам волн Тихого океана, накатывающих на берег, я замечал, как много слоёв звуков существует в этом огромном пространстве: грохот больших волн, плеск маленьких, шум откатывающихся волн — одни совсем близко, другие подальше, третьи очень далеко. Когда я полностью погружался в слушание всех этих волн, ум в какой-то момент находил осознание, которое могло слышать всё это беспристрастно — просто осознавать весь этот шум и движение. И тогда вдруг осознание огромного пространства становилось главным переживанием ума. Скука и беспокойство уходили, и ум становился по-настоящему спокойным.

Когда Дианна наконец говорила: «Всё, пора домой!» — я чувствовал странное умиротворение и не хотел много разговаривать. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу в этих переживаниях начало своей медитативной практики в этой жизни. Осознание «пространственного элемента» — пятого элемента в буддийских текстах, в котором проявляются четыре других элемента, — вероятно, было моим первым объектом медитации. Возможно, я уже практиковал что-то подобное в прошлых жизнях.

Более сорока лет спустя я до сих пор ярко помню эти переживания. Не могу сказать точно, сколько раз это было — может, один, а может, несколько, — но знаю, что происходило это только в этом возрасте. Когда я стал подростком с более сложными мыслями и эмоциями, такое больше не повторялось. В любом случае, я считаю, что безопасная, просторная и невероятно красивая природа в раннем детстве помогла мне сохранить здравомыслие и внутреннюю опору перед лицом будущих трудностей.

Пляж Нью-Брайтон, 2024

Первая статуя Будды

Я до сих пор помню, когда впервые в этой жизни увидел статую Будды. Мне было девять лет. Мама повезла нас в гости к своему младшему сводному брату на Золотой Берег. Дядя Терри был парализован — он прыгнул с лодки, не зная, что там мелко, ударился головой о дно и сломал шею. Он передвигался в инвалидной коляске, и за ним ухаживала женщина по имени Энн.

На кухонной стойке у него стояла белая керамическая статуя человека в одеяниях, с очень длинными мочками ушей и шишкой на голове, сидящего в позе полного лотоса. Мама залюбовалась статуей и спросила Энн, что это. Та ответила, что это статуя Будды. Мама спросила, буддистка ли она, и Энн ответила утвердительно. В 1981 году буддистов в Австралии было очень мало, а мода на массовое производство статуй Будды началась гораздо позже.

Через несколько лет после этого по телевизору шёл популярный сериал «Обезьяна» про обезьяньего бога и китайского буддийского монаха, которые путешествуют в Индию за священными текстами. (Долгое время после этого сериала я думал, что Будда был китайцем!) Время от времени, глядя этот сериал, я вспоминал ту первую статую Будды. Я до сих пор отлично помню, как она выглядела — она точно оставила сильное впечатление.

Просьба стать вегетарианцем

Когда мне было около десяти лет, меня вдруг очень глубоко осенило: «баранина», которую мы едим — это мясо ягнёнка, «говядина» — это корова, а «свинина» — это свинья. Курица и рыба были понятны и раньше, но когда всё это соединилось у меня в голове в десять лет, меня охватила тяжёлая грусть и ощущение какой-то несправедливости. Меня ужаснуло, что мы едим столько животных!

Я так сильно это переживал, что однажды за ужином спросил у мамы, можно ли мне стать вегетарианцем. Она ответила: «Нет, у меня нет времени готовить для тебя отдельные

блюда!» Однако вскоре она начала заменять один ужин в неделю на вегетарианский. Фирменным вегетарианским блюдом мамы стал пирог со шпинатом и сыром фета в тесте фило с свежим салатом. Всем он нравился. Вместе с запечёнными бобами на тостах по воскресеньям у меня получалось два вегетарианских ужина в неделю.

Уверен, что в 1982 году в региональной Австралии было немного десятилетних мальчишек, которые просили маму разрешить им стать вегетарианцами! Это тоже может указывать на какую-то прошлую знакомость с вегетарианством. Позже я действительно стал вегетарианцем — в день, когда ушёл из дома в семнадцать лет, — и оставался строгим вегетарианцем пять лет. Уже будучи послушником и практикуя одноразовое питание в день, я начал есть небольшое количество мяса.

Постоянное ощущение, что я не на своём месте

В детстве я часто и очень сильно ощущал, что нахожусь просто не в том месте. Лучше всего это описывается словами «я родился не там, где нужно». Я никогда никому об этом не рассказывал, потому что сам не понимал, где же тогда «то самое место». Я боялся, что меня сочтут глупым, если я попробую описать своё внутреннее смятение, поэтому держал это в себе. Но бывало, что я смотрел за столом на лица родителей и братьев с сёстрами и думал про себя: «Кто вы вообще такие?!» Они не были плохими людьми, но почему-то казались мне очень чужими, и я чувствовал себя среди них совершенно не на своём месте.

По поводу того, чему нас учили в школе, у меня тоже постоянно шло внутреннее изыскание: «Зачем мне это знать? Как это вообще полезно или важно?» Было глубокое ощущение, что образование, которое я получаю, — просто не то, что нужно. Оно казалось мне пустой тратой времени. Из-за этого я не мог полностью отдаться учёбе — я ей не доверял и не видел в ней ценности.

Я постоянно держался на уровне твёрдых «четвёрок» и «пятёрок с минусом», хотя все учителя в один голос говорили, что я мог бы учиться гораздо лучше. При этом я сам не понимал, какое образование было бы мне «правильным». Это внутреннее ощущение, что я «не на своём месте», было очень болезненным — как будто проклятие. Со временем оно не ослабевало, а только усиливалось.

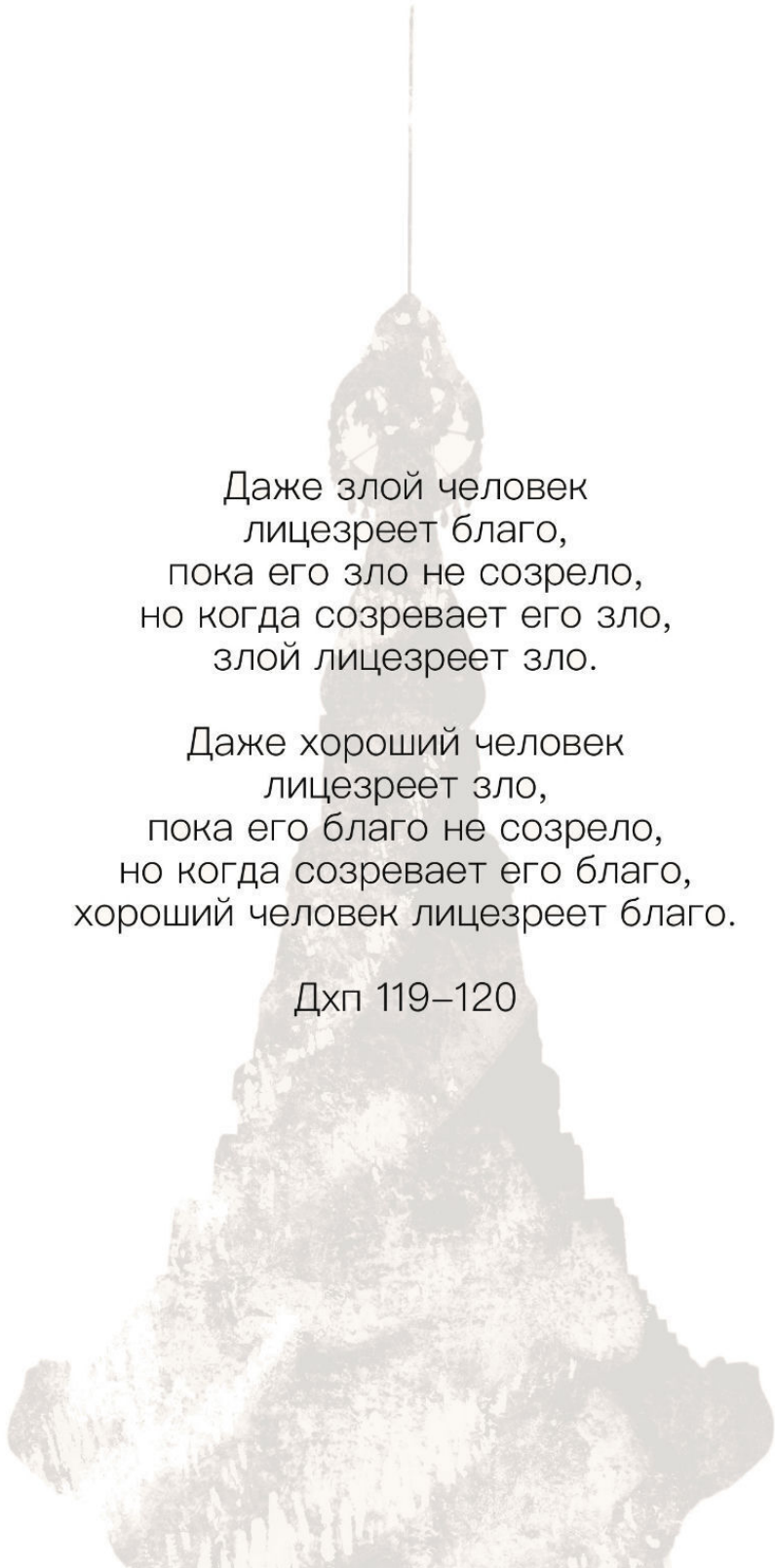
Однако сейчас, оглядываясь назад, я вижу пользу в этом болезненном внутреннем конфликте. Именно он заставлял меня искать более глубокий смысл жизни — что-то по-настоящему «правильное» для меня. Этот конфликт также удерживал меня от того, чтобы полностью отдаться бесполезному пути или застрять в непродуктивной ситуации.

Только много лет спустя, во время моей первой поездки в Таиланд, это ощущение «не на своём месте», которое я носил с детства, наконец исчезло. Теперь, после десятилетий медитации и жизни в Азии, я склонен верить, что в нескольких последних жизнях я жил в Азии буддистом. Если это так, то это объясняет то чувство чужеродности и неправильности места, которое я испытывал в детстве и юности в Австралии. Позже, в подростковом возрасте, появились и другие признаки, но о них я расскажу в следующих главах.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

МИР ПЕРЕВЕРНУЛСЯ С НОГ НА ГОЛОВУ (II-III ЛЕТ)

Даже злой человек
лицезреет благо,
пока его зло не созрело,
но когда созревает его зло,
злой лицезреет зло.

Даже хороший человек
лицезреет зло,
пока его благо не созрело,
но когда созревает его благо,
хороший человек лицезреет благо.

Дхп 119–120

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Мир перевернулся с ног на голову (11–13 лет)

Десять тысяч радостей, десять тысяч печалей — пришло время рассказать о некоторых из этих печалей. Когда мне было одиннадцать лет, с нашей семьёй случилось очень тяжёлое горе, и наша жизнь изменилась навсегда. Целая цепь неудачных событий привела к огромному финансовому краху.

Примерно в 1980 году отец решил продать и свой автосалон, и наш дом, чтобы построить новый, большой и красивый — с бассейном и видом на Тихий океан. Это был наш дом в Ошен-Шорс. Ещё он заказал постройку рыболовного траулера — хотел полностью сменить род занятий. У него был хороший друг, который уже ушёл в рыболовство, и отец думал, что такая жизнь даст больше свободы, чем офис с кучей подчинённых.

Чтобы начать эти два больших дела, он взял ипотеку. Видимо, потому что раньше бизнес у него всегда шёл успешно, а с ремонтом и строительством домов он уже имел хороший опыт, отец с оптимизмом думал, что всё пройдёт по плану. Но не прошло.

Дом строился дольше, чем рассчитывали, и траулер тоже. Отец остался без дохода и при этом ещё долго платил аренду — дольше, чем планировал. Если бы были только эти две задержки, наверное, всё бы обошлось. Но в Австралии тогда резко подскочила инфляция, власти сильно ужесточили денежную политику, проценты по кредитам взлетели, и началась глубокая рецессия.

Наша семья попала в этот идеальный шторм. К тому моменту мы уже переехали в новый красивый дом с потрясающим видом на море, бизнес отца работал, но проценты по кредиту всё росли и росли. За каких-то два года официальная ставка поднялась больше чем на четыре процентных пункта — это означало почти пятидесятипроцентное увеличение платежей. Дохода от рыбалки уже не хватало, чтобы покрывать эти огромные проценты. Если я правильно помню, сначала кредит был под двенадцать процентов — уже очень высоко для ипотеки, — а перед самым изъятием дома ставка дошла до невероятных восемнадцати.

Мне было одиннадцать, когда мы вернулись с похорон бабушки Джесси в Калундре — она умерла от воспаления лёгких. Под дверью лежало официальное письмо от банка. В нём сообщалось, что траулер отца забрали. Его уже перегнали в другой порт и скоро выставят на аукцион, чтобы покрыть долг по дому.

Отец остался совсем без дохода. Впервые в жизни ему пришлось встать на пособие по безработице. А пока траулер стоял без присмотра в другом порту, воры сняли дорогое радарное оборудование, которое уже не покрывала страховка. В итоге на аукционе лодку продали намного дешевле её настоящей стоимости.

Вскоре пришло ещё одно жестокое письмо — банк забирал наш дом. На сборы дали месяц.

Бретт, Трой, Мел, Диана, Джон, Анжела, Крейг и Джейн, 1985

К тому времени Диана уже училась и работала медсестрой в Сиднее, Джейн училась на журналиста в университете в Квинсленде, а Джон давно жил отдельно. Так что этот удар приняли на себя только родители, Мел, Анжела и мы трое младших — Бретт, Трой и Крейг.

Мама каким-то образом нашла нам съёмный дом в Скаборо — пригороде Редклиффа в Квинсленде, примерно три часа езды на север от Ошен-Шорс. Отец через старого приятеля по футболу устроился на подработку.

Нам почти не дали времени на сборы. Родители просто сказали, что через несколько дней мы переезжаем и меняем школу.

Несмотря на всю тяжесть, мы ни разу не остались без нормальной еды. Но новой одежды и обуви не было, никаких развлечений тоже. Мама перестала печь десерты, а родители почти перестали разговаривать с детьми. Мы, конечно, чувствовали, что что-то не так, но до конца поняли масштаб беды только тогда, когда дом забрали. И всё равно родители всегда умудрялись держать над нами крышу.

Для родителей это было, конечно, невыносимо больно. Отец когда-то владел несколькими успешными местными бизнесами, даже был президентом гольф-клуба в Ошен-Шорс. Мама раз в неделю играла в теннис с местными дамами. Были ужины, рестораны, вечеринки — вся нормальная светская жизнь. А теперь они решили просто исчезнуть, никому ничего не объясняя.

Они чувствовали, что другого выхода нет, но это разрывало им сердце. Они потеряли бизнес и дом своей мечты. Это была не только финансовая катастрофа, но и настоящая смерть эго. Им хотелось спрятаться там, где их никто не знает.

Мама строго-настрого запретила нам рассказывать кому-либо, что мы уезжаем и почему. Это добавило нам лишней травмы. Получалось, будто с нами — и с семьёй, и с каждым из нас — вдруг стало что-то стыдное и неправильное, поэтому мы должны были мгновенно исчезнуть без всяких объяснений. Меня заставили почувствовать, что мы — позор.

Поэтому мы не получили ни сочувствия, ни добрых слов от друзей и учителей, не смогли нормально попрощаться. У меня после этого осталась какая-то безымянная стыдливость, которую трудно описать. Она долго подтачивала мою уверенность в себе и самооценку (хотя были и другие причины).

При этом я понимаю родителей: им не хотелось дополнительного унижения — объяснять всем, что произошло. Они были слишком потрясены и растеряны. Им нужно было убежать, спрятаться и зализывать раны, как раненым зверям.

Я часто думал, почему никто из их друзей (по крайней мере, насколько я знаю) даже не позвонил и не зашёл в те дни. В маленьких городках все всё про всех знают. Люди наверняка сразу узнали, что у отца забрали траулер. Наверное, родители уже какое-то время тихо отходили от своего круга, но настоящие друзья всё равно должны были проявиться. Грустно, что в такой тяжёлый момент у них не оказалось по-настоящему близких людей.

Только недавно мама рассказала мне некоторые особенно тяжёлые подробности. У них даже не было денег на грузчиков и на залог за новый дом. Но мама всё равно всё устроила. Сначала она договорилась с грузчиками, что заплатит им своей пианолой. Они согласились и перевезли нас в Квинсленд.

А по залогу она договорилась с хозяйкой (та жила в другом штате и продавала дом), что будет показывать его покупателям в любое время дня и ночи и держать дом в чистоте. К счастью, добрая хозяйка согласилась — и мы въехали без всякого залога!

Однажды мы пришли из школы, а во дворе уже стоял огромный грузовик, и все вещи были упакованы в коробки. Диваны, обеденный стол, даже шторы — всё собрано. Мы сели в машину с нашим чёрным котом по имени Суги и поехали на север. Не было времени попрощаться ни с пляжем, ни с океаном, ни с гольф-полем и прудом с лилиями. Мы просто ехали мимо поворотов на Биллинджел, Мурвиллумба и Твид-Молл.

Приехали в Скаборо уже вечером. Зашли в дом, который я никогда раньше не видел, в городе, где я никогда не был. Грузчики приехали через час, и мы все вместе помогали родителям разгрузиться.

Спустя двадцать три года я наконец смог снова побывать в месте своего раннего детства. Лёг на пляже Нью-Брайтон, положил руки на сердце и долго прощался, благодарил и здоровался заново с пляжем — своим давно потерянным другом. В Скаборо тоже есть пляж, но он закрыт от открытого океана островом Мортон. Ему никогда не сравниться с той любовью, которую я испытывал к океану и Нью-Брайтону в детстве.

Много лет спустя отец рассказал мне, что в тот период серьёзно думал о самоубийстве. Но у него были жена и трое сыновей, которые от него зависели, поэтому он отогнал эти мысли и решил просто делать всё, что в его силах.

Мама, хотя и была в ярости и отчаянии, сказала, что останется с ним и будет помогать растить детей. Они решили начать всё заново — ремонтировать дома и перепродавать их, как делали раньше, чтобы постепенно подняться.

«Мы уже делали это однажды — сделаем снова», — сказала она отцу.

Из-за глубокой рецессии банк продал наш дом за половину его стоимости. Родителям сообщили, что после аукциона не осталось вообще никакой разницы — банк вернул только свой капитал. Родители остались с нулем и официальной записью о банкротстве. В сорок два и сорок четыре года они потеряли все свои сбережения — всё, что вложили в дом мечты.

Мама много лет злилась на отца за то, что считала его неправильным управлением деньгами. И хотя правда, что если бы он вёл дела иначе, всё могло сложиться по-другому, но надо

быть справедливым: никто тогда не мог предсказать, что проценты взлетят так высоко и так быстро. И никто не мог представить, что банк заберёт и бизнес, и дом, а потом продаст их за полцены.

Это был настоящий кошмар. Теперь, глубоко веря в закон кармы, я смотрю назад и понимаю: это было то, что нам было суждено пережить.

Я тогда не понимал — и до сих пор, честно говоря, не очень понимаю, — как такая экономическая политика могла существовать в такой стране, как Австралия, в начале восьмидесятых и девяностых. Проценты взлетают так высоко и так быстро? Сотни тысяч семей должны были потерять дома и бизнесы.

Позже, во время следующей рецессии в начале девяностых, я видел по телевизору казначея Пола Китинга в дорогом итальянском костюме. Он говорил: «Это та рецессия, которую Австралии нужно было пережить». А сам выглядел прекрасно!

Этот опыт оставил во мне глубокое недоверие к правительствам, банкам и политикам вообще. В мирской жизни я никогда не брал кредитов и не заводил кредитных карт. То, что пережила моя семья, сильно повлияло на то, как я отношусь к деньгам. Сейчас, будучи настоятелем и со-строителем Анандагири, мы начинаем любое строительство только когда большая часть денег уже лежит на счету.

В новом доме в Скаборо я скучал не только по сестре Диане и её волшебной игре на пианино, от которой я раньше просыпался, но и по океану, и по долгим поездкам через дождевые леса северного Нового Южного Уэльса.

Отец в то время вообще перестал слушать музыку — Нил Даймонд и Том Джонс замолчали. Дом был двухэтажный, проигрыватель стоял внизу, и иногда я сам громко ставил пластинки. Как раз в тот год вышел альбом Майкла Джексона «Thriller», и хотя бы зомби могли танцевать в этой серости.

Мы потеряли старых друзей, но, к счастью, мы трое мальчишек остались друг у друга. Кататься на велосипедах по пригородным улицам и купаться в тихой воде залива Мортон, конечно, не шло ни в какое сравнение с открытыми дорогами и океанскими пляжами Ошен-Шорс. Но мы всегда могли пожаловаться друг другу на то, что потеряли. К тому же у нас появилась игровая приставка Atari, и мы немало времени проводили дома, играя в Space Invaders и Donkey Kong.

Трой, Крейг и Бретт, 1985

В новую школу мы пришли посреди четверти, да ещё и программа была другая — другой штат. В первый день, когда я один зашёл в класс, некоторые мальчишки увидели мои кожаные сандалии и расхохотались. Один крикнул: «Этот в сандалиях!» Меня никогда раньше не высмеивали, когда я входил в комнату, и это глубоко засело в моей одиннадцатилетней голове.

В старой начальной школе в Маллумбимби — городе хиппи — сандалии носили все дети хиппи и такие, как мы. А здесь, в пригороде, это считалось не круто. У меня тогда была только одна пара нормальной обуви, остальные я перерос. На следующий день я сунул сандалии в портфель и зашёл в класс босиком. Никто не засмеялся.

Через пару недель мама купила мне новые кроссовки на липучках — я сказал, что они нужны для физкультуры. И вдруг я стал первым в классе, у кого появилась самая модная обувь.

К счастью, мне очень понравилась учительница седьмого класса — миссис Николсон. Полная добрая женщина, от которой прямо исходило большое, тёплое сердце. Ей, кажется, нравились остроумные и спорные ребята, и она уважала тех, кто был яркой личностью — настоящих «оззи-ларрикинов». Она многим давала поблажки, но если кто-то переходил грань, то сразу ставила на место. Мы с ней отлично ладили.

Пока отец был без постоянной работы, он устроился временно упаковщиком на склад. Вставал в четыре утра, чтобы успеть на автобус. Видеть, как отец без жалости и нытья берётся за простую тяжёлую работу, чтобы кормить семью, — это было очень важно. Он не сломался и не впал в самоуничтожение, просто делал то, что нужно. А когда возвращался домой около четырёх дня, после двенадцати часов отсутствия, всегда тепло здоровался с детьми.

Оглядываясь назад, я благодарен за этот короткий опыт относительной бедности. Думаю, он глубоко во мне закрепил правило: никогда не насмехаться над человеком только потому, что он беден. Если бы наша семья продолжала богатеть, я, возможно, стал бы высокомерным или снисходительным по отношению к тем, у кого меньше денег.

Моё сильное стремление к состраданию и щедрости, которое остаётся со мной всю взрослую жизнь, наверное, отчасти сформировалось именно тогда — когда жизнь в детстве меня хорошенько приструнила. Я верю, что ещё ребёнком дал себе твёрдое внутреннее обещание: никогда зря не добавлять человеку стыда или душевной боли и по возможности всегда помогать тем, кому трудно. Хотя, конечно, склонности характера, принесённые из прошлых жизней, тоже здесь играют роль.

Примерно через полгода отец получил хорошую должность — управляющего автосалона Holden в Брисбене. Мама, как и обещала, помогла хозяйке продать дом в Скаборо. И мы снова переехали — в новый дом и новую школу.

Хотя отец быстро вернулся к нормальному заработку, они с мамой выбрали довольно необычное жильё. Пять акров земли, фермерский участок на окраине того, что тогда только начинало становиться большим пригородом Логан-Сити, к югу от Брисбена.

Дом принадлежал художнику-хиппи. Нам это было в новинку, но, думаю, они выбрали его отчасти потому, что было дёшево и можно было начать копить на новый собственный дом.

В доме была целая стена из больших раздвижных стеклянных дверей с видом на эвкалипты. Огромный камин с большим медным конусообразным колпаком посреди гостиной.

На втором этаже — маленькая художественная студия с окнами на все четыре стороны. Пол в коридоре был выложен тротуарным кирпичом. Всё это было для меня новым и необычным — раньше я жил только в домах с ковровым покрытием от стены до стены.

Когда шёл дождь, на кухне в нескольких местах текло с потолка, и мама расставляла кастрюли и сковородки. Звуки получались очень музыкальные — капли падали с разной скоростью и издавали разные ноты в зависимости от посуды. Если дождь был сильный и дамба переполнялась, вода иногда заливала кухонный пол!

На участке жили разные животные. Две утки — Генри и Генриетта — иногда заходили на кухню, гадили на пол, и мама их прогоняла. Два чистокровных бирманских кота — Феликс и Тиффани — раньше были домашними, поэтому теперь могли ходить по всему дому (раньше у нас такое не разрешалось). Они с удовольствием носились из одного конца дома в другой.

Были ещё морские свинки и даже бурая корова в дальнем загоне. Если она лежала, я иногда подходил, облакачивался на неё и разговаривал. Имени коровы не помню — странно, ведь она была одна, — зато прекрасно помню имена двух альбиносовых морских свинок: Марго и Джерри. Одиннадцати- и двенадцатилетнему мальчишке все эти питомцы очень нравились!

Самое интересное, что я заметил у родителей в том доме, — они казались счастливее, чем когда-либо. Маме, похоже, действительно нравились и текущая крыша, и гадающие утки, и дерущиеся коты, и переполненная дамба.

Думаю, причин было несколько. Во-первых, они как-то сумели подняться после страшного удара. А во-вторых, рядом не было никого, с кем нужно было бы равняться, — некого «догонять Джонсов».

Мы жили обособленно, соседей почти не видели. Папа уезжал на работу в костюме и галстук, мама иногда наряжалась в магазин, а дома они ходили в самой удобной, потрёпанной одежде.

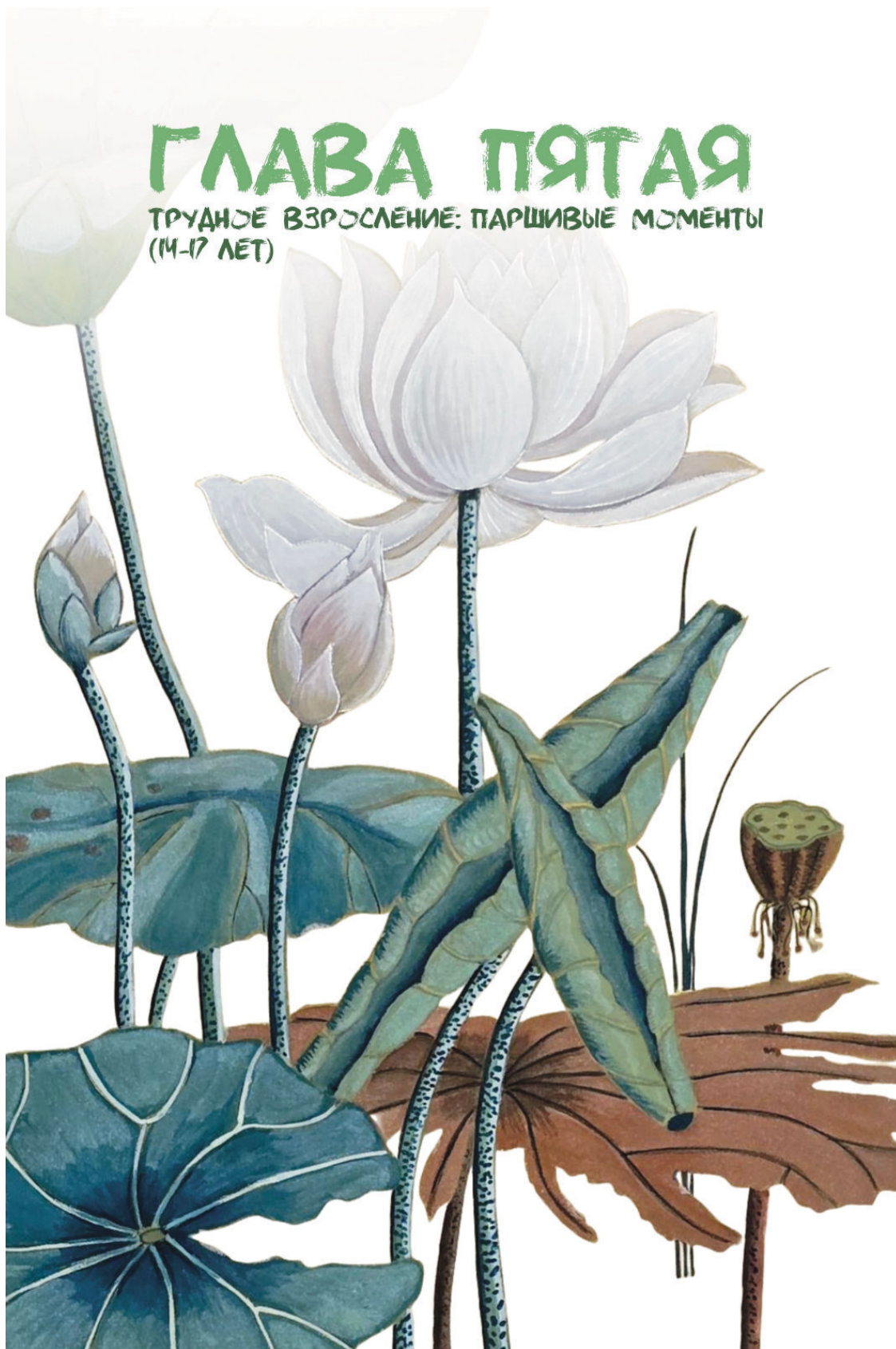

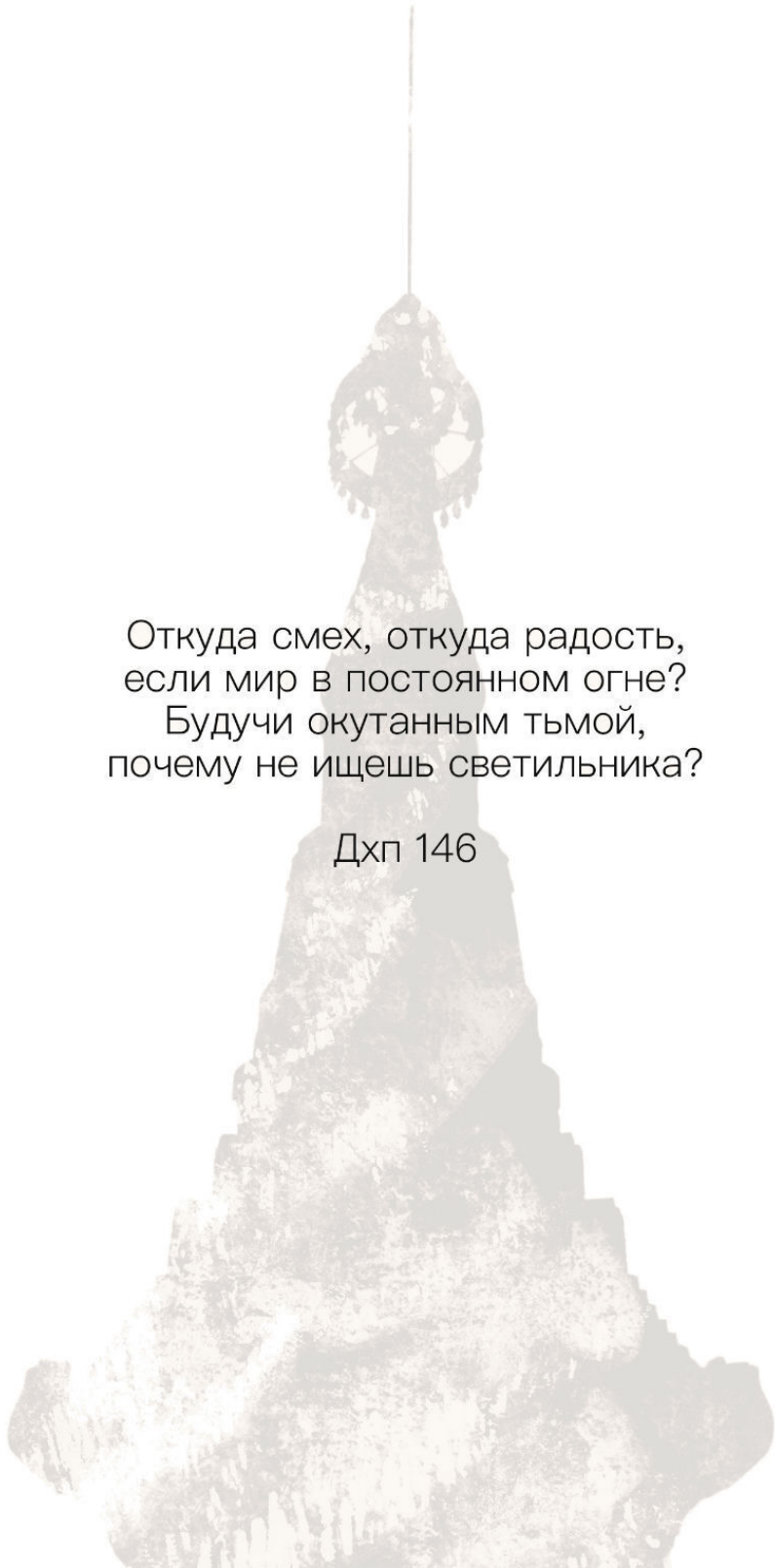
Школьный автобус забирал нас прямо у дома и вёз вместе с другими деревенскими ребятами в начальную школу Шейлер-Парк. Тогда это был новый район, и школа казалась вполне средней по достатку. Кататься на велосипеде по просёлочным дорогам здесь было гораздо лучше, чем в Скаборо.

Золотой Берег с его красивыми пляжами находился всего в часе езды, и пляж снова вошёл в нашу жизнь. Почти каждое воскресенье с октября по апрель мы ездили к морю. Пляжи были многолюднее, но солнце и волны никуда не делись. В машине по дороге мы снова слушали радио. Я довольно хорошо помню этот период. Думаю, дело было и в том, что родители были счастливы, и в том, что мы снова жили близко к природе.

Мы прожили в том доме около двух лет — кажется, там я отметил двенадцатый и тринадцатый день рождения. Гостиная была большая, и родители даже устроили там двадцать первый день рождения Джейн. Джейн была очень прилежной и целеустремлённой: училась полный день, подрабатывала и ещё избралась в студенческий союз университета, поэтому мы её почти не видели.

Но, как и всё в жизни, обстоятельства постоянно менялись. Мне очень повезло пережить этот относительно спокойный и счастливый период с одиннадцати до тринадцати лет, потому что следующие годы оказались намного сложнее.

Откуда смех, откуда радость,
если мир в постоянном огне?
Будучи окутанным тьмой,
почему не ищешь светильника?

Дхп 146

ГЛАВА ПЯТАЯ

Трудное взросление: Паршивые моменты (14–17 лет)

Отец вернулся к старым навыкам и спокойно работал управляющим директором нового автосалона — должность была хорошо оплачиваемая. После некоторых поисков он понял, что может попробовать взять ипотеку в строительном обществе и купить дом. Кредит в итоге одобрили, но из-за возраста его нужно было погасить всего за пятнадцать лет, поэтому платежи выходили довольно высокими. Родители серьёзно подумали и решили, что у них особенно нет выбора, если они хотят хоть какую-то финансовую стабильность на старости лет. Они начали смотреть дома, участки и выставочные образцы от застройщиков. В конце концов нашли небольшой участок на краю нового района, рядом с полуакровыми наделами, и строителя, который согласился построить дом в рамках их бюджета.

То, что могло стать довольно светлой историей о том, как родители снова встали на ноги, к сожалению, на несколько лет омрачилось горечью — особенно со стороны мамы. Их новый трёхспальный дом с передним и задним двором был чуть меньше и попроще многих соседних домов и сильно уступал тому четырёхспальному дому с бассейном и видом на океан, который мы потеряли. К тому же после выплат по кредиту и коммуналки денег почти не оставалось. Мама реагировала на это злостью и обидой.

Мне не хочется писать слова, которые плохо характеризуют маму или отца. Как человек я их люблю и как взрослый по-настоящему сочувствую их сильным и слабым сторонам. Не хочу я и выставять себя в невыгодном свете. Но в автобиографии, которая основана на правде, никуда от этого не деться — эту главу нужно написать.

Во многом я рассказываю свою историю — со всеми её светлыми и тёмными сторонами — именно для того, чтобы показать пример живого человека, который в детстве столкнулся с серьёзными трудностями, но нашёл в себе силы и дисциплину их преодолеть, не позволив им определить всю свою жизнь. Сейчас, когда я пишу эти строки уже счастливым и цельным человеком, ведущим наполненную жизнь, всё то время кажется мне жизнью совсем другого человека или далёкой прошлой жизнью. И всё же это была моя жизнь, поэтому её нужно включить.

Буддийские монахи говорят о важности благодарности и почитания родителей. И действительно, даже в эти трудные годы, которые пришлось на мои «ужасные подростковые», было за что благодарить. Они стали важной частью как истории моих родителей, так и моей собственной. Главное — я вряд ли так рано начал бы искать надёжное внутреннее убежище, если бы не эти сердечные раны, если бы не страдание, которое подтолкнуло — точнее, заставило — искать путь, ведущий к окончанию страданий.

Но прежде чем писать дальше о тех тёмных днях, которые мы переживали с мамой, я хочу напомнить читателю: сорок лет спустя у нас с ней всё очень хорошо. Для меня это большое счастье, что мама до сих пор в моей жизни. К моменту написания этих строк я совсем недавно вернулся из Австралии, где провёл с ней несколько дней.

В свои восемьдесят пять лет, будучи вдовой, она, всё учитывая, держится очень достойно. Анжела — человек с ярко выраженной независимостью, острая как бритва и гордится этим. Она до сих пор водит машину, сама ходит за продуктами и готовит. Помнит свои записки к врачам и расписание автобусов. Когда приезжают её оставшиеся пятеро детей (к сожалению, моя сестра Джейн год назад умерла от опухоли мозга), внуки или правнуки, Анжела тепло их встречает. Она гордится всеми своими детьми и со временем научилась проявлять эту гордость более нежно и открыто. Когда каждый из детей уходил из дома, она по-настоящему поняла, как сильно их любит и как сильно скучает.

Во время последнего приезда мы гуляли с ней по её любимым маршрутам на Твид-Кост в северном Новом Южном Уэльсе — выгуливали золотистого ретривера моей сестры. Несколько раз мой хороший друг из тех мест помогал мне свозить маму в хорошее кафе на обед — я

всегда стараюсь это делать, когда приезжаю к ней последние десять лет. Некоторые мои близкие ученики переводят деньги этому другу, чтобы организовать такие выезды. Для меня это маленькое ответное тепло после всех маминых домашних обедов, которыми она меня кормила. Мы также пили капучино и ели вкуснейший австралийский морковный торт.

Анжела благодарна, что у неё ещё есть здоровье, возможность двигаться и ясный ум. Сейчас её самые яркие качества — это благодарность и душевная щедрость. Мы оба прошли долгий путь, и я рад, что ни один из нас не сдался в трудные времена. Пока я был у неё, я видел, как часто звонят остальные братья и сёстры — кажется, общение с детьми теперь для неё самая большая радость.

А теперь вернёмся в 1985 год... Потеряв дом и все сбережения, Анжела пережила огромную утрату. Ей бы очень помогла терапия и тёплый круг друзей, но тогда у неё не было ни того, ни другого. Отец был более стойким — он просто ушёл с головой в работу и «продолжал идти дальше». А мама, с учётом её собственного тяжёлого детства, чувствовала, что жизнь её сильно обделила. Беды приходили одна за другой. Она застряла в этом состоянии на несколько лет, и это было больно и ей, и всем вокруг. Утрата сильно ударила по её уверенности в себе. Мне казалось, что она сильно раздражена обстоятельствами, но не может найти в себе сил что-то с этим сделать.

У мамы бывали тяжёлые дни, когда она говорила очень резко, особенно с отцом и со мной. В отличие от братьев и отца, я имел привычку огрызаться и оспаривать её слова, что никогда не приветствовалось. Эта привычка была у меня всегда, даже если дело заканчивалось подзатыльником. Возвращаясь из школы, мы никогда не знали, в каком она настроении: будет ли весёлой, тихой и замкнутой или злой и готовой к ссоре.

Было тяжело видеть, как человек постоянно сравнивает себя с другими, хочет большего и обижается на утраченное — это может превратить счастливого человека в очень озлобленного. С одной стороны, действительно многое было потеряно, и жизнь под давлением ипотеки была тяжёлой и однообразной. Но с другой — дом и участок были вполне хорошие, еда всегда была сытная и вкусная, а небольшие выезды по выходным вполне возможны.

Даже предсказуемая и скучная для мамы рутина давала тот вид стабильности, о котором многие только мечтают. Была регулярная зарплата, и мужчина, который её приносил. Были безопасные дороги, хорошая погода и нормальные торговые центры. Наш уровень жизни был выше, чем у большинства людей в мире. И всё равно Анжела была очень несчастна. Иногда мне хотелось вернуться в тот старый дом с текущей крышей, коровой и утками и быть там счастливыми «никем», чем жить на краю нового района и чувствовать себя обиженными из-за несбывшихся желаний.

В довершение всего мама любила смотреть ужасную передачу «Стиль жизни богатых и знаменитых», которая только подливала масла в огонь её обиды. Я эту передачу терпеть не мог. Странно, но уже в тринадцать-четырнадцать лет меня совершенно не впечатляло, сколько у богатых домов и машин. У меня было какое-то врождённое, нутряное отвращение к показухе. Мне гораздо интереснее было бы узнать, хорошие ли они люди и делятся ли богатством. Точно так же я всегда отшатывался от бессмысленного насилия.

Это были середина восьмидесятых — никакого интернета, один телевизор в гостиной. Если не нравится, что показывают, — иди в другую комнату и занимайся своими делами. Когда мама включала «Стиль жизни», а папа — военные фильмы с жестокостью, я уходил к себе в комнату и слушал кассеты. В то время я делил спальню с братом-близнецом Троем. Когда старший брат Джон отдал нам свой старый проигрыватель, я начал слушать винил — часто в наушниках, на полную громкость. Это было хорошим способом убежать от реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.